

Сеть не могла, что она так же, как в свое время арабы, турки и персы, огнем и мечом проходили по захваченным землям, организуя массовые истребления ни в чем не повинных людей, не желавших подчиниться Шамилю, то есть тех, кто не хотел попасть в кабалу Турции и Англии, ориентировавшая на Россию, на союз с русским народом».

Советский человек внимательно и любовно изучает прошлое своего народа. Прошлое — это подготовка настоящего. Нам безгранично дорога борьба народных масс за свое освобождение. Строителям коммунистического общества, народу-победителю и творцу близкого и далекого все прогрессивное, демократическое, содействующее счастью народа. Марксистско-ленинская теория позволяет прочитать самые трудные страницы книги истории, осветить ярким светом самые темные углы прошлого, установить историческую истину.

Марксизм требует и от ученых — при анализе явлений прошлого — и от писателя — при художественном воплощении этих явлений — уметь видеть и раскрывать подлинно прогрессивное в историческом развитии, правильно оценивать сложную и противоречивую борьбу исторических сил. Марксистская диалектика является тем победоносным оружием, которое позволяет верно решать самые сложные задачи, непосильные науке и искусству прошлого.

Центральный Комитет партии неоднократно давал замечательные уроки правильного отношения к историческим явлениям. Оценивая идеологическую работу в татарской партийной организации, Центральный Комитет партии осудил такие ошибки националистического характера, как приукрашивание Золотой орды, популяризация ханско-феодалного эпоса об Игее и др. ЦК ВКП(б) указывал на серьезные идеологические ошибки в работе башкирской партийной организации. Были осуждены литературные произведения и исторические работы, в которых не проводилось разграничения между подлинно национально-освободительным движением башкирского народа и разбойничьими набегами башкирских феодалов на соседние народы, идеализировалось патриархально-феодалное прошлое башкир, башкиры противопоставлялись русскому народу.

Большим и важным уроком как для наших ученых, так и для литераторов является разоблачение ложной, антиисторической и антимарксистской концепции роли мюризма и Шамиля в истории народов Кавказа. Почетная роль в этом разоблачении принадлежит партийным и общественным организациям Азербайджана. В опубликованной в последнее время «Большевика» статье М. Д. Багирова «К вопросу о характере движения мюризма и Шамиля» четко и глубоко, с большой остротой и принципиальностью раскрыто существо этого сложного вопроса.

Мюризм возник на почве ислама — феодальной, реакционной религиозной идеологии. Ислам и мюризм были оружием в руках националистических, реакционных элементов Кавказа. Идеология ислама требует от верующих рабской покорности судьбе, своим угнетателям. Ислам оправдывает феодальную жестокость, захватническую политику.

Мюризм есть самое воинствующее, самое реакционное течение в исламе. В XIX веке это течение было поставлено на службу захватническим планам турецких султанов, стало оружием в руках англичан, стремившихся утвердить свое господство в районе Черного моря, на Кавказе, в Азербайджане. Выполнив задания своих английских и турецких вдохновителей, Шамил стремился восстановить народы Кавказа против России. Присоединение к России давало народам Кавказа возможность избавиться от угрозы поглотения и порабощения отсталыми феодальными странами — султанской Турцией и шахской Персией. Сближение народов Кавказа с великим русским народом было прогрессивным явлением, несмотря на тяжелый гнет паразита. Включение народов Кавказа в состав России создавало условия для развития их производительных сил и культуры, для ликвидации экономической и политической раздробленности. Сближение с русским народом, общение с передовой русской культурой и русским революционным движением способствовали духовному росту этих народов. Разжигание же религиозно-фанатизма, ненависти к России и всему русскому было явлением реакционным, тормозящим общественный прогресс. Тридцатилетняя кровавая война, навязанная горским мюризмом, была большим несчастьем для них и серьезным препятствием на пути их развития.

Маркс и Энгельс указали на связь мюризма и Шамиля с турками и англичанами. Они отметили, что турки присвоили Шамилю звание генерал-иссуса черкесской и грузинской армий, что Шамил стремился к походу турецкого наместника на Кавказе, обещанному в качестве награды за так и не состоявшееся взятие им Тифлиса.

Маркс и Энгельс пронаивно разгадали роль Шамиля в стратегических замыслах турок и англичан. Они писали в 1853 году, что движение турок «вперед на Кавказ — все равно из Батума или Эрзурума — в случае успеха устанавливает прямую связь их с их союзниками, горцами, и может одним ударом отрезать по крайней мере с суши, южно-кавказскую русскую армию от России. А это может привести к полному уничтожению этой армии».

Совершенно справедливы выводы тов. Багирова, указывающего, что «Шамил был оружием в руках иностранных государств... что в нем и в его движении ничего народного, демократического не было и не могло быть, что никакого освободительного характера его движение не имело».

Совершенно справедливы выводы тов. Багирова, указывающего, что «Шамил был оружием в руках иностранных государств... что в нем и в его движении ничего народного, демократического не было и не могло быть, что никакого освободительного характера его движение не имело».

Совершенно справедливы выводы тов. Багирова, указывающего, что «Шамил был оружием в руках иностранных государств... что в нем и в его движении ничего народного, демократического не было и не могло быть, что никакого освободительного характера его движение не имело».

Совершенно справедливы выводы тов. Багирова, указывающего, что «Шамил был оружием в руках иностранных государств... что в нем и в его движении ничего народного, демократического не было и не могло быть, что никакого освободительного характера его движение не имело».

Совершенно справедливы выводы тов. Багирова, указывающего, что «Шамил был оружием в руках иностранных государств... что в нем и в его движении ничего народного, демократического не было и не могло быть, что никакого освободительного характера его движение не имело».

Совершенно справедливы выводы тов. Багирова, указывающего, что «Шамил был оружием в руках иностранных государств... что в нем и в его движении ничего народного, демократического не было и не могло быть, что никакого освободительного характера его движение не имело».

Совершенно справедливы выводы тов. Багирова, указывающего, что «Шамил был оружием в руках иностранных государств... что в нем и в его движении ничего народного, демократического не было и не могло быть, что никакого освободительного характера его движение не имело».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Микробиологам Америки

Письмо советских ученых

В трудные дни, когда опасность новой войны нависла над человечеством, мы обращаемся к вам, ученым Америки, работникам микробиологических и бактериологических институтов, с вопросом, на который вы обязаны ответить сотням миллионов жаждущих мира людей: с кем вы? С банной империалистической заговорщицкой, мечтающей об уничтожении цивилизации, о диктатуре смерти, о превращении целых стран в огромные кладбища, или с теми, кто борется за мир для всего мира?

Уже не осталось времени для долгих раздумий, и сегодня нельзя быть нейтральным. Самолеты, сделанные в вашей стране, разрушают мирные города Кореи, убивают тысячи женщин, стариков и детей. Над демократической Германией американские летчики сбрасывают колорадского жука, пытаются проложить дорогу голоду в Европу. Крупные концерны, действующие в вашей стране, навязывают свои войны. Они начали осуществлять свои человеческо-экономические планы. Тот, кто не борется сегодня за мир, помогает легкой войной, становится участником самого подлого заговора против человечества.

Мы обращаемся к вам, микробиологи Америки, потому что в планах подготовки новой войны бактериологическому оружию отводится все более широкое место. В средние века эпидемии чумы превращали в пустыни города Европы. В новое время по Европе опустошительные шествия совершал холера. Император Хирохито и Иси Сиро, японские и немецкие военные преступники мечтали возродить эти эпидемии. Они развели тонны бактерий, сотни миллионов зараженных чумой блох. Японским палачам мерещились тысячи городов, в том числе города Америки, где не осталось бы ни одного живого человека.

Наш народ, наша армия, мудрый Сталин спасли человечество от великих бедствий и массовой гибели людей. Но американский генерал Макартур пригрозил и защитил генерала Иси Сиро, автора плана уничтожения американского и других народов мира. Японские и немецкие фашисты-бактериологи перевезены через океан и теперь работают рядом с вами, в ваших лабораториях, в научных институтах Соединенных Штатов Америки.

Правители Соединенных Штатов вопреки интересам народов продолжают черное дело Иси Сиро. Кабаровский процесс над японскими фашистами — организаторами бактериологической войны, вновь показал, что человечество всегда сильнее шайки заговорщиков, и преступники неминуемо оказываются там, где им надлежит быть, — на скамье подсудимых. Этот процесс — грозное предостережение для всех поджигателей войны.

Газеты и научные журналы сообщают о новых и новых орудиях массового уничтожения. Американские генералы и бизнесмены с циничным хладнокровием рассуждают о том, что выгоднее: атомная бомба или бактериологическая. Их «военные специалисты» США бактериологическое оружие устраивают даже больше, чем бомба атомная: оно дешевле и, убивая людей, не уничтожает материальных ценностей. Интервенция в Корею показала, что простые люди Америки не хотят умирать на чужой земле за грязное и подлое дело; больше, чем на солдат, макартуры надеются на бактерии, на атомные бомбы и другие средства массового уничтожения людей.

У нас в стране только недавно окончилась научная сессия Академии наук

СССР и Академии медицинских наук СССР, посвященная проблемам физиологического учения Ивана Петровича Павлова. Миллионы людей следили за павловской сессией. Газеты посвящали ей целые полосы, потому что за страстными научными спорами каждый советский человек чувствовал заботу о его счастье, о здоровье нашего народа, чувствовал огромные, действительно необходимые возможности, открывающиеся перед медициной. А ваши научные журналы заняты чудовищными спорами о том, чем лучше уничтожать людей: ядами ботулины или гелиевыми чумами, как поражают растения грибами, как самую землю сделать на долгие годы невозможной для жизни.

Биология — наука о жизни. Как можете вы не поднять голоса протеста против тех, кто ее делает наукой о смерти, прислужницей смерти? С омерзительной гордостью падача Джонсон, военный министр США, сообщил недавно, что в США продолжают исследования и развитие средств бактериологической войны. Под Вашингтоном в Камп Детрик профессор Вулшерт и другие ваши соотечественники продолжают научные изыскания японского отряда № 731, превращение победой советских войск. В Западной Германии на американские деньги и по американским планам подготовки бактериологической войны занят институт имени Роберта Коха, биохимический институт в Тюбингене и многие другие «научные» учреждения. Соландт — директор научно-исследовательского отдела военного министерства Канады — заявил недавно, что усовершенствованные средства химической и бактериологической войны в этой стране заняты семь лабораторий и эти лаборатории работают успешно.

Какую же позицию занимаете вы — ученые Америки? Английский журнал «Медикал пресс» задает врачам своей и других стран тревожащий вопрос: «Будете ли вы помогать ведению бактериологической войны?» Нам кажется, что народы мира имеют право спросить каждого врача, каждого ученого: «Будете ли вы бороться, боретесь ли вы всеми своими силами с теми, кто готовит бактериологическую войну, кто создает бактериологическое оружие?»

Наша наука давно выбрала свою дорогу и идет по ней десятилетиями за десятилетиями. Иосиф Виссарионович Сталин сказал: «великая энергия рождается лишь для великой цели». Счастье человечества — великая цель, которая всегда освещала путь русской, советской науке. Эта цель давала силу ученым нашей страны рисковать, а если нужно — жертвовать своей жизнью, совершать прекрасные подвиги во имя Родины, во имя человечества. В Индии, Маньчжурии, Монголии сражались с чумой наш замечательный исследователь академик Даниил Заболотный и другие русские врачи. Великий русский естествоиспытатель Илья Мечников, изучая холеру, привнес себе эту болезнь. Советский врач Нина Завьялова, участвуя в разработ-

Евгений ПАВЛОВСКИЙ — действительный член Академии наук СССР
Константин СКРЯБИН — действительный член Академии наук СССР
Николай ЖУКОВ-ВЕРЕЖНИКОВ — действительный член Академии медицинских наук СССР
Павел ЗДРОВСКИЙ — действительный член Академии медицинских наук СССР
Георгий РУДНЕВ — член-корреспондент Академии медицинских наук СССР
Владимир ТИМАКОВ — член-корреспондент Академии медицинских наук СССР
Ольга ЛЕПЕШИНСКАЯ — доктор биологических наук
Константин МАТВЕЕВ — профессор

ке средств против леточной чумы, заразил себя этой болезнью, от которой еще недавно умирало сто процентов заболевших. Этим героическим опытом она вновь доказала и силу души советского человека и силу нашей науки, создавшей надежные средства против самых тяжелых болезней.

Единым фронтом вместе со всем народом сражается за мир наша наука. В начале этого века, когда в Маньчжурии вспыхнула страшная чумная эпидемия, на помощь маньчжурскому народу выехали русские врачи. Их труд сберег сотни тысяч жизней, пресек эпидемию. Развившись во время этой работы, умирая, один из участников борьбы с маньчжурской чумой, Илья Мамантов, в последний час жизни писал своим близким в Россию: «Жизнь теперь — это борьба за будущее... Надо верить, что все это недаром, и люди добьются, хотя бы и путем многих страданий, настоящего человеческого существования на Земле, такого прекрасного, что за одно представление о нем можно отдать все, что есть личного, я самую жизнь».

Мы построили этот прекрасный мир. Никогда еще не открывались перед человечеством такие великие, позитивные сказочные возможности. Ученые нашей страны сейчас заняты разработкой одной из важнейших проблем — вопроса о происхождении жизни. Глубже изучив природу заразных болезней, советская наука разработала способы лечения многих опасных заболеваний и создала методы, способные поставить предел распространению эпидемий. Могучая павловская школа физиологов поднимает всю медицину на новую, высшую ступень. Мы обезвредили в пределах Советского Союза чуму, которая до сих пор уносит сотни тысяч жизней в Индии и других странах, оспа, еще имеющую свои владения в Англии, холеру и другие болезни. Разработанное советскими исследователями учение о природной очаговости болезней позволит оздоровить всю нашу планету.

Мы ищем единственным путем, достойным науки, защиты свой народ от болезней. Великая цель — счастье человечества — помогает нам в этом труде.

Мы обращаемся к вам, Рене Дюбо. Ваши исследования в области антибиотиков широко известны научному миру. К вам, Эвард Фронож, столько сделанному в области изучения туляремии. К вам, Освальд Эвери, автору ряда важных для медицины работ в области изменчивости микробов. К вам, Майкл Гейдльбергер, много сил отдавшему исследованию иммунологических процессов. Мы, как и все ученые нашей страны и все простые люди мира, хотим знать, какова ваша позиция сегодня. Допустите ли вы, чтобы достижения бактериологов в борьбе с болезнями превращались в оружие в руках поджигателей войны? Допустите ли вы, чтобы бактериологические лаборатории и институты превращались в фабрики уничтожения?

Все честные ученые Америки должны встать под знамена борцов за мир!

ЧЕРЧИЛЬ СТАРАЕТСЯ...

Мистер Черчилль, которому давно пора признать звание генерала от американской пропаганды, счел нынешний трудный для США момент подходящим для того, чтобы устроить нечто вроде смотра сил агитации доллара в маршаллизованной Европе. Смотр этот и был организован в лондонском Альберт-холле под видом лондонских сторонников «Европейского движения». Консервативный громоворещ прораздал очередную речь. Но буфаторские громы — по хорошей русской поговорке — и на сей раз развалялись не из тучи, а из «западноевропейской» навозной кучи...

Известно, что за три последних года — срок, которого Черчилль коснулся в своей речи, — Западная Европа в еще большей степени стала колонией доллара, а собственно Англия превратилась в нечто среднее между 49-м штатом США и американским авианосцем. И такое униженное и позорное положение маршаллизованных стран Черчилль осмеливается именовать «успехами», которые «намного превосходят все то, на что мы осмеливались надеяться».

Зная «популярность» империи доллара среди народов Западной Европы, мистер Черчилль побоялся в своей речи даже хоть раз упомянуть во всеулышлие Соединенных Штатов. Но от этого его ультрапатристический гимн Уолл-стрит никак не стал безмятным. Он воздал хвалу американским поджигателям войны за все до сих пор содеянное ими в мире, в частности за предпринятое ими превращение Западной Германии и превращение ее в новый очаг войны, подвластный доллару. «Все это даст нам основание радоваться», — восклицает без тени стыда матерый поджигатель войны. Потрепав по плечу таких своих «соратников», как предатель Рейно и «социалист» Рамалье, и помянув похвальным словом отсутствующего на митинге Спаака, Черчилль вынужден все же со скрежетом зубным констатировать: «Но мы не можем и не должны никогда забыть о том, что даже с включением Германии половина Европы все еще остается вне нашей сферы...» Иначе говоря: вне пределов досягаемости американского империализма.

Народы, находящиеся «за пределами сферы» хозяйничанья боссов мистера Черчилля, действительно недосыпаемы для них всевышней надеждой.

Что касается провокационно-космополитического движения «за единство Европы», то движение это направлено и, против маршаллизованных стран, народы которых тоже проявляют все более крепнущее стремление выйти «за пределы сферы» деятельности американских колонизаторов.

Этим и объясняются отчаянные попытки мистера Черчилля представить заокеанских поджигателей войны в виде «благотворителей» Европы. Но кто же, кроме сившего по правую руку Рейно и по левую руку Рамалье, поверит сейчас этим уверениям?

МИЛОСТЬЮ ДОЛЛАРА КОРОЛЬ

Скажем прямо: не петиции встречи короля Леопольда III, возвратившегося в Бельгию после шестилетнего изгнания, — его осматривали. Столь недуманный прием, оказанный Леопольду бельгийским народом, не вызывает удивления. Ибо если в шекспировском короле Лео каждый вершок — король, то в Леопольде каждый вершок — изменник и холод.

Десять лет назад после бесславной 18-дневной военной кампании на Западном фронте Леопольд добровольно капитулировал перед фашистами, был обласкан ими и удостоился внимания «самого» фюрера. Но рухнула гитлеровская «третья империя», и фашисты «эвакуировали» Леопольда в австрийский Тироль, где его в свою очередь «освободили» американские войска. Американцы очень заинтересовались судьбой Леопольда III — королевский опыт предателя и даже мог им пригодиться. Однако посадить его-королью на злитки американских танков, вступающих в Бельгию, не удалось — настолько велик был гнев бельгийского народа. И лжи переправлял его в Швейцарию.

Тем временем Уолл-стрит и Вашингтон прилагали усилия, чтобы добиться возвращения Леопольда на бельгийский трон. Еще в 1946 году посланник США в Швейцарию тайно встретился с Леопольдом: Гитлеровский предатель с охотой перешел на службу к новым хозяевам и взял на себя конкретные обязательства перед американцами. И хотя подробности этого сговора неизвестны, однако речь шла, как писала «Берлинер шейтунг», «об урановой руде Бельгийского Конго и о задачах Бельгии на случай агрессивной войны США против Советского Союза».

Совместными усилиями американских поджигателей войны и их бельгийских подполковников в марте этого года в Бельгии был проведен референдум по «королевскому вопросу». Сторонники Леопольда израсходовали на агитацию в пользу короля 100 миллионов франков, но деньги мало им помогли — почти 43 процента бельгийцев не считая тех, чьи бюллетени были объявлены «испорченными», решительно высказались против возвращения короля.

Однако правая социально-христианская (католическая) партия вынесла вопрос о возвращении Леопольда III на голосование в парламент, где она обладает большинством. 20 июля голосами социальнo-христианских депутатов, при полном отсутствии представителей других партий, сенат и палата депутатов отменили закон, запрещающий Леопольду парствовать.

И вот спустя два дня, 22 июля 1950 года, король прибыл на самолете из Швейцарии в Бельгию в сопровождении девяти реактивных истребителей, явно не бельгийского происхождения...

Бельгийский народ с гневом и возмущением встретил возвращение короля-изменника на трон. «Леопольд — это реакция», — под таким лозунгом проходят забастовки протеста, массовые демонстрации и митинги, которыми ответил бельгийский народ на возвращение предателя-короля в страну. И не надо забывать, что последнее слово, в конечном счете, принадлежит народу.

Из Будапешта в Пхеньян

Шум битвы и грохот бомб, варварских ружьях в Пхеньяне и в освобожденных городах Южной Кореи, голоса плачущих детей в разрушенных домах сразу же достигли Будапешта и других городов Венгрии. Мы почувствовали все это сердцем, превратившимся в слух. Мы думали о матерях и детях Пхеньяна и Сеула, о юношах и девушках, которые, будучи нашими гостями на Всемирном Фестивале молодежи, столь живо и увлекательно говорили о своей родине.

Именно поэтому так громко звучали голоса тысяч людей, собравшихся на украшенном портретами Сталина, Ракоши и Ким Ир Сена будапештском стадионе и единодушно провозгласивших: «Руки прочь от Кореи!»

К микрону подошла стахановка Обудайской отбелочной фабрики Панине. Она заявила в своем выступлении: «Я предлагаю, чтобы венгерский народ послал немедленно врачей, медицинских сестер, санитаров, госпитальное оборудование в Корею. Поможет тысячам корейских женщин и детей — жертвам американских воздушных пиратов!». Одновременно Панине обязалась выполнять план 1951 года до 31 августа текущего года.

Тысячи и тысячи голосов участников митинга ответили горячим одобрением на внесенное ею предложение.

— Есть ли возможность поехать в Борею?

Хирург из второй клиники Медицинского института, проставивший со своей невестой, пришел со словами: «Я здесь, товарищи. Объявляю себя мобилизованным! Я только пять последних лет чувствую себя настоящим человеком. Знаю, что и корейцы за это борются», — говорит он, вспоминая о своей жизни, безрадостной жизни батрака, которому только народная Венгрия дала возможность встать на ноги.

18 июля. Американские войска отступают, а сводки штаба Макартура дуг о «тактическом отрыве» совсем так, как в свое время врал Геббельс. Венгерские трудящиеся с восторгом читают газетные сообщения о героических подвигах бесстрашного моряка, командира соединения катерной крейсер. А на предприятаях продолжают митинги и начинается сбор средств на оборудование госпиталя для Кореи. Сто форинтов, внесенных в стальных мастерских вагоностроительного завода Ганц лакировщикей Мейер Густавне — первый взнос в фонд помощи корейским борцам за свободу. Вести об успешном сборе средств идут с заводов Гамма, Стандара, Хоффер, с фабрики Рихтер, с МАВАГА.

Будапештский рабочий, не раз беспощадно громивший местных агентов Трума, протягивает сейчас руку помощи тем, кто расправляется с наемщиками Уолл-стрита в Кореи. И она, эта рука помощи, перекрывает пространство в 18.000

километров, отделяющее Будапешт от Пхеньяна!

Вопреки запрещению Ватикана священники в венгерских деревнях выступили в защиту мира и говорят: «Помощь корейскому народу, который с оружием в руках борется за мир есть залог мира, счастья и поэма в нашей стране».

20 июля. Над Тэчжон развевается сине-красное с красной звездой знамя народной Кореи.

На Ферихедском аэродроме стоит северо-восточный самолет. Двери закрыты, пропеллеры быстро вращаются. Раздается команда, и самолет уже бежит по дорожке. Пожелаем же доброго пути отправляющимся в Корею двенадцати врачам и медицинским сестрам!

22 июля. С Ферихедского аэродрома снова отправляется самолет. Это первый транспорт, везущий в Корею хирургические инструменты, медикаменты, перевязочный материал, приобретенные венгерскими трудящимися на свои средства.

Сбор средств на оборудование госпиталя для Кореи в течение одной недели составил более 8 миллионов форинтов. Свыше половины собрано в Будапеште. В стране на первых местах по сбору средств находятся комитаты Болдр, Комаром и Веспрем.

Во всех этих фактах наша выражение любви венгерского народа к свободному и храброму народу Кореи и неслыхаемое чувство протестарского интернационализма, владеющее сейчас трудящимися массами Венгрии.

Ференц БАКТАЙ
БУДАПЕШТ, 26 июля. (По телеграфу)

Заочная конференция читателей

БУРТАН. Работники областной библиотеки провели заочную конференцию читателей-коллекторов. Для обсуждения была предложена повесть лауреата Сталинской премии Ю. Лаптева «Зарь».

Библиотека попросила дать письменные отзывы об этой книге. Поступило много ответов. Коллекционеры сегодешней «Путь к коммунизму», имени Сталина, «Светлый путь», «Коминтерн», имени Ворошилова, «Коммунар» — М. Иванов, В. Бороздина,

П. Лушников, Н. Пастухов, Л. Копорулин, В. Плотников и многие другие сделали глубокий анализ содержания повести, дали меткие характеристики героев.

Из поступивших отзывов сотрудники библиотеки составили развернутую рецензию к книге Лаптева. В написании рецензии приняло участие свыше ста коллекционеров. В ближайшее время намечено организовать также же рецензии-отзывы о ряде книг лауреатов Сталинской премии.

НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ УЧЕНЫМ

Сколько может работать токарный станок без капитального ремонта? Еще в начале прошлого года технические справочники утверждали: 3—4 года. А справочники последнего выпуска привели уже новые показатели: 10—15 лет. Что дало основание так резко увеличить межремонтный цикл оборудования? Каковы выходящие изобретения или коренные изменения в конструкции станков? Нет, ничего такого не произошло. Широко, с каждым днем растущее движение станков, борющихся за высокую культуру эксплуатации оборудования, за долготу станков, сломало старые нормы и утвердило новые.

Лично я за последние пять лет выполнил на своем станке без капитального ремонта 19 годовых норм. И это несколько не отразилось на станке. Он сейчас в хорошем состоянии.

Несколько дней назад наш завод встал на вахту мира. И я взял обязательство выполнить еще пять годовых норм, не останавливая станок на капитальном ремонте.

Я не один. Уже на многих заводах станков, как настоящие советские хозяева, создают новые прогрессивные нормы межремонтного цикла, добиваются невиданного раньше долголетия станка.

Хорошо ли это? Всякий скажет — хорошо. А вот мне кажется, что сделано еще далеко не все для культурной эксплуатации станка и продления его жизни. Больше того, я лично считаю, что сделано очень мало. И вот почему.

Борьба за долготу станков, за высокую культуру эксплуатации ведут станковичи, не получая пока достаточной помощи от наших ученых-исследователей. А мы уже столкнулись с многими вопросами, ко-

торые не можем разрешить без помощи науки. Я называю лишь несколько таких вопросов.

Всем известно, какое большое значение для продления жизни машины имеет смазка: как нужно смазывать, чем смазывать, когда смазывать. Но в этом деле полны застой. И скорость резания мы увеличили и станки изменили, а смазка остается такой, какой была много лет назад. Неужели нет ничего нового в этой области? Просто не верится, что может быть у нас такая отрасль техники, где за долгие годы не найдено ничего нового.

Когда станковичи перешли на скоростные режимы резания, советские ученые крепко помогли им. Они так увеличили качество твердых сплавов, что в нашей стране удалось добиться невиданных еще ни где темпов резания. Почему же ничего нового не предлагают нам ученые, работающие над проблемами смазки?

Такое же положение и с охлаждающими жидкостями. Сколько я помню, работая на одних и тех же эмульсиях, содовых растворах. Но мы слышали и читали, что наши ученые создали новые охлаждающие жидкости с чудесным свойством: они уменьшают усилие резания, то есть снижают рабочее напряжение станка. Где эти жидкости? Почему они не вышли еще за пределы лабораторий? Дайте им их, и мы продлим сроки работы станков до капитального ремонта еще на несколько лет!

Нагрузка на станки у нас непрерывно увеличивается. Станок, как человек, тре-

буется, чтобы эта нагрузка равномерно распределялась на его рабочие части. Стахановцы с помощью простейших средств так называемой малой механизации стараются уравновесить силы, действующие в станке, и переключать в процессе работы напряжение с одних механизмов на другие. Много нового, интересного, умного придумали цеховые рационализаторы. Серьезное изучение этого стахановского творчества учеными и конструкторами подскажет далеко идущие выводы, на основе которых можно будет создавать более производительные и живучие станки.

И ставлю эти вопросы потому, что их ставит жизнь, потому что от своевременного решения этих вопросов зависит долготу оборудования.

Хочется, чтобы наша научная общественность ответила на поставленные мною вопросы. Они ведь волнуют большую армию станковостроителей.

ОТ РЕДАКЦИИ: Автор публикуемого выше письма токарь Московского завода шлифовальных станков Борис Кулагин — один из зачинателей движения станковичей, борющихся за долготу станка. Это движение получило широкое распространение, имеет многих последователей на предприятиях всей страны.

Выдвигая перед учеными важную проблему большого народнохозяйственного значения, тов. Кулагин исходит из своего опыта многолетней активной работы, глубокого изучения режимов эксплуатации станка. В целях более близкого ознакомления читателей с работой товарища Кулагина редакция ниже публикует очерк «Чудесное долголетие».

Монумент Победы

ЕРЕВАН (Наш корр.). Широкий, красивый проспект Сталина — центральная магистраль столицы Армении. Строительные работы домов, сады в перспективе — зеленый пояс канакерского плато. Когда-то канакерское плато было самым неприглядным местом Гревана: голые камни, сухая земля, опаленная жарким, южным солнцем. Но вот несколько лет назад трудящиеся армянской столицы решили преобразовать эту местность. Были посажены первые деревья. Вскоре плато ожило. Вместо пыльных ветров оттуда повеяло прохладой.

Сейчас на канакерском плато среди зелени поднимаются высокие леса. Через несколько месяцев, в ноябре 1950 года, в дни, когда трудящиеся Армении отметят тридцатилетие своей республики, леса симу, и взору откроется монумент Победы, символизирующий безграничную благодарность армянского народа великому вождю — товарищу Сталину.

Монумент (автор архитектор Р. Исазян) стоит у Бровка плато. Он виден со всех концов города, и весь город отсюда — как из ладоны Греванский гуф послужил основным строительным материалом. Он прилетает всему сооружению особую красоту и прочность. Высота постаментов — 33 метра, он имеет форму большого четырехугольника, площадь которого равна трем тысячам кв. метров.

Вокруг постаментов, в нижней его части, — каменные кронштейны, на которых изображены знаки родов войск Советской Армии. Здесь же инициалы знамен, которые будут украшать монумент в праздничные дни.

Внутри сооружения — центральный вестибюль, а вокруг него — три зала. Здесь будет размещен музей. Из вестибюля лестницы ведут вверх, к галереям. Отсюда можно будет выйти на угловые башни для обозрения местности.

Все сооружение увенчается скульптурной фигурой товарища Сталина, работы скульптора С. Меркурова. Высота его — 16,5 метра. Уже завершено строительство постаментов и начаты работы по монтажу скульптурной фигуры. Разработана специальная система освещения монумента.

Монумент Победы будет лучшим архитектурным памятником Еревана.

Новый облик заводов

Мы идем по аллее большого сквера. Зеленые кроны молодых тополей и лип украшают нас от лучей ласкового солнца. По полю на клумбах голубовато-васильковые лобелии, нежная бархатка, белые петунии, астры, табак.

Это один из двенадцати скверов, воздвигнутых на территории завода «Красное Сормово» имени А. А. Жданова. В пяти из них были фонтаны. За короткий срок с помощью общественной помощи было высажено около 5000 различных деревьев, более 13000 кустов акаций, сирени и жимолости. Заводская оранжерея вырастила две тысячи корней цветочной рассады, и вся она уже высажена в клумбы газонов, обрамляющих здания цехов.

Общая площадь, занятая теперь под зеленые насаждения, превышает десять гектаров. Только в прошлом и текущем году завод израсходовал на озеленение своей территории около полумиллиона рублей.

Всеми работами по зеленому строительству на заводе руководит техник-садовник Б. Теплякин. Раньше он был рабочим. После войны вместе с другими рабочими его послали учиться в школу зеленого строительства. И вот рабочий стал заводским садовником.

В прошлом году на многих заводах Горьковского появились новые профессии агроном по озеленению, техник-садовник, цветовод. На автозаводе имени В. М. Молотова есть и свой агроном, и техник-садовник, и специалист по цветам. Весной нынешнего года на территории завода посажено 2000 деревьев и 30000 кустов акаций.

Да и не только на сормовском и горьковском заводах появились специалисты по зеленому строительству. На заводе «Красная Этна» тоже работает агроном. Там в этом году посажено 1000 лип, тополей и кленов, до 4 тысяч кустов акаций.

Вик. МОНАСТЫРСКИЙ
г. ГОРЬКИЙ

В. ШКЛОВСКИЙ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

Борис ЛАСКИН ФЕЛЬЕТОН Дело семейное

Перед нами письмо, написанное крупным детским почерком. Письмо короткое, взволнованное. На конверте осторожная пометка — «секретно».

Автор письма — московская пионерка обращается за помощью в редакцию.

«В доме № 11, в квартире 8, по Третьей Мещанской улице проживает Тоня Горобинская. У нее четверо детей и муж, дядя Ваня, который жестоко избивает жену и детей. Четверолетняя Верочка все время избита до синяков. И вот недавно дядя Ваня напился водки, и он бил свою жену и детей в квартире, а потом они выскочили на улицу и ужасное было зрелище. Он, как зверь, кидался на жену и детей. Когда жилища дома стали загромождены, то он схватил нож и стал гоняться за всеми с ножом. Пришлось обратиться в 89-е отделение милиции, куда его отпустили, а потом обратно отпустили, и он опять все начал сначала. Детей он бьет и трясет. У него гнется ладья, и он всегда порет их. Прону принять меры».

Письмо страшное, беспримечное. Факты, приведенные в нем, требовали проверки.

Дядя Ваня — Иван Михайлович Горобинский, шофер Бауманской конторы «Газвтульсервис», крайне удивился нашему приходу. Он даже обиделся.

— Все это нахальная выдумка и клевета. Дети я не бью. Я их учу. Как говорится, воспитываю. Я человек тактичный...

Вскоре жилища дома, заполнившие двор, погрузили и перенесли друг друга, познакомились нас с методами воспитательной работы Ивана Михайловича.

В семье Горобинских четверо детей. Боря — 11 лет, Надя — 9, Верочка — 4 и младший Олег — чуть больше года. Боря, Надя и Верочка — дети Горобинской от первого брака. Итак, младшая «своя», а те трое «чужие».

Жестокое побои и угрозы сделали жизнь детей совершенно невыносимой. Воспользовавшись отсутствием жены, Горобинский недавно избил до потери сознания четырехлетнего ребенка. Запуганная, с разбитым лбом, Верочка на вопросы матери и соседки: «Кто тебя так?» — робко отвечала: «Это я сама, я на козережку наступила». Только путем длительных расспросов удалось установить, что отец запрети ей жаловаться: «Если матери слово скажешь, хуже будет!»

Издательства и побои Горобинский превратил в некую систему. Для распырения с детьми он смастерил увесистую палку, которую называл «палкой». Одна из женщин вынесла нам это позорное вещественное доказательство, которое кому-то из соседок с трудом удалось вырвать из рук разбушевавшегося «воспитателя». Мы увидели палку-треххвостку, вырезанную из привозного ременя.

Доведенная до отчаяния, Антонина Степановна Горобинская не раз пыталась обратиться к мужу. Каждая такая попытка приводила к тому, что ей с грудным ребенком приходилось ночевать у соседки.

На Горобинского боялись жаловаться. Сфера его действий вышла за пределы квартиры. Он терроризировал весь дом.

Теперь нам становится понятной причина, по которой на письмо сдала прислать «секретно». Интуитивно, почему девочка боялась полностью поддаться под своим письмом. Подростку можно простить эту наивную осторожность.

Но как могло случиться, что в большом московском доме не нашлось человека, чье душевное чутье гражданского долга, который не попытался бы воздействовать на этого уродца в советской семье?

Кто-то из жильцов дома в разговоре с нами пытался объяснить зверское отношение Горобинского к детям тем, что, дескать, они ему не родные. Они — чужие.

Наша жизнь, весь ее строй, множество примеров из нашей действительности убеждают в том, что слова «чужой» применительно к детям у нас не существует.

Дети испанских республиканцев, павших в боях за свободу под Уэской, стали родными в советской семье.

Наша дети, потерявшие родителей в годы Отечественной войны, нашли приют и ласку в семьях советских людей, богатых душевной добротой. В нашей стране, мучившей в авантюре борю за мир, забота о счастье детей стала государственной заботой, заботой коммунистической партии, заботой всего народа. И понятия суровые, с какой осуждает общество тех, кто портит высокие умы отпа.

В том, что происходит в семье Горобинских, виноват не только глава семьи, но и недоразумение называющийся отцом. Виноваты и те, кто своим безучастным отношением обрекли детей на страдания.

Выступ у нас еще кое у кого, в сожалении, «стория» немощности в так называемые семейные дела.

Когда о коммунистическом поведении Горобинского сообщили участковому уполномоченному, младшему лейтенанту милиции К. В. Шавринову, он, без лишних обстановку, метанализически определил: «Дело семейное».

В 89-м отделении милиции (которое, кстати сказать, помещается на той же Третьей Мещанской, в трех минутах ходьбы от дома № 11) нас встретили весьма любезно. Начальник отделения капитан милиции П. П. Турков на наш вопрос о Горобинском пожал плечами:

— Горобинский?.. Иван Михайлович?.. Первый раз слышу.

При этом, напоминать, что в мае этого года Горобинский привлекался в 89-е отделение милиции.

— Говорите — привлекался? Сейчас проверим.

Дежурный принес «Бюллетень регистрации доставленных в 89-е отделение милиции за нарушение общественного порядка». Начальник передал страничку. Да, действительно, 20 мая в 9 часов вечера был доставлен гражданин Горобинский П. М.

— Ну, и что же было дальше?

— Сделали предупреждение.

— А потом?

— А потом отпустили.

Мы просматриваем запись в книге: «доставлен в 9 часов, отпущен в 9 часов 10 минут».

Таким образом, понадобилось всего 10 минут, чтобы покончить с этим делом. Не разобравшись, не приняв срочные меры, а именно покончить. Формально. С полным равнодушием. По-завоевому.

— Знаете, — говорит начальник, — конечно, имеет еще место подобные явления. Вот был как-то случай Прибавит женщины. Зовут на помощь. В соседней квартире, говорит, муж жену избивает. Послали мы человека. Тот приходит, а у них уже мир. Как говорят, дело семейное. Вмешиваться не приходится!..

Вспоминается давний юмористический расказ. К постановку милиционер подошел прохаживать: «Товарищ милиционер, обратит внимание, там беспорядок». И милиционер с поистине олимпийской спокойной уверенностью отвечает: «Мы слезим за порядком, гражданин. Беспорядок нас не касается».

Этот скорее грустный, чем смешной расказ невольно пришел на память во время беседы в 89-м отделении милиции. Наш приход, ни тогдашние подробности хулиганского поведения Горобинского не вызвали на лице у начальника ни улыбки, ни тревоги.

Позволяю будет спросить, почему пионерку, написавшую письмо, задела до глубины души эта безобразная, уже долгие время продолжающаяся история? Почему люди, которые государству поручили высокоответственное дело защиты общественности, абсолютно нетерпимые в нашем обществе факты грубого нарушения этого порядка?

То, что происходит в доме № 11 на Третьей Мещанской, не семейное дело. Нет. Это наше дело. И никто не имеет права оставаться равнодушным!

Чудесное долголетие

Людмила УВАРОВА

Впервые эта мысль пришла ему в голову в то время, когда он ехал домой с войны.

Вспыхивали и гасли искры, летевшие от паровоза, деревья догоняли друг друга, солнце горело в озере, заросшем кувшинами... А в купе поезда, мчавшегося от войны к миру, солдаты говорили о том, что ждет их... о семье и доме, о привычном, мирном труде. Лежа на полке, вчерашний солдат Кулагин вновь и вновь представлял себе знакомый пролет цеха. Он думал о том, что ждет его на заводе. Станки, наверное, поизносились, да и весь инструмент, надо думать, не стал новой. Беречь надо станки.

Неподвижно в пять лет прошло с той поры, как токарь Кулагин вернулся к себе на завод шлифовальных станков. Все эти годы он продолжал работать на одном и том же крупном токарно-винторезном станке № 71 и выполнял девятнадцать годовых норм.

В цехах появлялись все новые и новые машины. Конструкторы продолжали совершенствовать их. Страна в небывало короткие сроки преодолевала последствия войны. Появились станки, которые позволяли рабочему резать металл со скоростью до 1000 метров в минуту, станки-автоматы, совершавшие за человека весь производственный цикл, первые автоматизированные линии.

Однако, когда Кулагину предлагали новые, последнего выпуска машины, он неизменно отказывался:

— Зачем? У меня совсем еще хороший станок.

Кулагин не хотел расставаться со своим первым последственным станком, о котором мечтал по дороге домой. Это стало делом его личной, рабочей чести — сиять со старого станка столько же продукции и такого же качества, как с нового.

Есть законы техники, которые издавна принято считать неизменными. Так, например, полагают, что в течение пяти лет токарный станок должен, кроме капитального ремонта, пройти текущий и средний и сверх того несколько профилактик — так называются просмотр, чистка и промывка узлов станка.

Токарь Кулагин решил опровергнуть это правило. Его станок, выполнивший за неполные пятилетие 19 годовых норм, ни на один день не останавливался на ремонте — ни на средний, ни на текущий, ни на капитальный. Стахановец добился того, что станок его, «постарев» за четыре с половиной года, успел прожить четверть больше.

Кулагина часто спрашивают:

— Как вы добились продления жизни станка? Почему эта мысль пришла вам в голову?

— Наши станки заслуживают внимания и заботы, — отвечает Кулагин. — Судите сами, с каждым годом они обрабатывают все больше и больше металла. И даже самый отличный уход за станком — далеко еще не полная плата за его работу... Что такое отличный уход? Это уборка рабочего места, внимательная, кропотливая, когда ни одна стружка, случайно парашушная поверхность станины, не

ускользнет от прищипного взгляда. Это устранение малейшей царапины: в будущем она может разрастись и стать причиной ремонта. Это добросовестная смазка всех частей и деталей, целая система смазки, изобретательной, умной, умышленой. Это, наконец, — равномерная отсадка станка, спокойная остановка машины, когда все детали ее четко, без рывков прекращают работу.

Немноголюдный и сдержанный по природе, токарь Кулагин, говоря об этом, ни

Б. КУЛАГИН

когда не скажет о главном — сокровенном и задушевном, что вдалеке им, когда он начал борьбу за продление жизни станка. Ведь для этого требовалось не только умение использовать все его возможности. Нужны были глубокая хозяйская любовь к своему делу, стремление поднять свое мастерство на новую высоту, сознание важности и ценности своей работы — все то, чем определяется полностью к о м м у н и с т и ч е с к о е отношение к труду.

...Шли недели, месяцы, годы. И вот уже токарь Кулагин достиг мирового рекорда — 470 метров в минуту при резании чугуна. Только за последний год он выполнил задание всей пятiletки. Выиграл больше! Постоянно можно задуматься, выдержит ли станок подобную нагрузку, справится ли с этим грузом лет, разом напыленных на него?

Еще недавно находились люди, считавшие, что скоростные методы работы — увеличенная подача и высокая скорость резания — много раньше срока выведут из строя оборудование. Жизнь решительно опровергла эти опасения предельщиков. Станок Бориса Кулагина «чувствует» себя превосходно. Скоростное резание и долготу станка не противоречат, а сопутствуют друг другу!

В конце концов, автор всей книги? С. К. Герасимов сетует на то, что он доверился рекомендациям издательства, опубликовав книгу П. Лопатину. Выходит, что С. К. Герасимов, погнавшись за литературной славою, охотно «кунул» чужую работу, но не подумал о том, что покупка оказалась неустойчивой, недоброкачественной.

Минувшее все, что «произвел» С. К. Герасимов и П. Лопатина никто не рецензировал, читал его лишь заведующий редакцией географической литературы А. Логинев. Непривычные тактики упрощения очевидна. Тем поразительнее равнодушие к этому случаю со стороны издательства, под вывеской которого имела место порочная практика делания книг за авторов, да при этом еще нечестного в отношении. Взамен, что издательство «Молодая гвардия» вновь, но этот раз на должном принципиальном уровне, рассмотрит данное дело, разберется до конца, кто же и в какой мере виновны в плагиате, и, главное, примет меры к устранению возможности повторения в дальнейшем подобных фактов.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Под таким заголовком в № 39 «Литературной газеты» был опубликован фельетон М. Матусовского, рассказывавший о том, что вышедшая в издании «Молодой гвардии» книга С. К. Герасимова «У Тихого океана» побуждает «заместительную» из книги Н. Михайлова «Земля русская», из очерка Г. Ефремова, из работ Г. Гора, В. Лешкевича, А. Соловьева и других авторов.

В связи с этим фельетон редакция получила письмо автора книги «У Тихого океана» С. К. Герасимов сообщает: «Издательство «Молодая гвардия» признало необходимым литературно обработать мою рукопись и поручило это воспитанному редактору, писателю П. Лопатину, за что он получил половину авторского гонорара».

По утверждению С. К. Герасимова, все замечания следов П. Лопатина, на него ни и возлагает всю ответственность. Со своей стороны П. Лопатин подтверж-

«ЧИТАЯ ДАЛЯ...»

дает, что ни л и ч и о (?) занимают несколько фраз из книги Н. Михайлова и из очерка Г. Ефремова.

В «Литературной газете» поступило также письмо директора и главного редактора издательства «Молодая гвардия», в котором отмечается, что «поступок автора С. К. Герасимова и редактора-литературника П. Лопатина обиделась на заседании Главной редакции издательства» и что «вторая часть тиража книги вышла в исправленном виде».

Совершенно ясно, что ни одно из упомянутых трех писем не может быть признано удовлетворительным. Следует напомнить, что объем исправлений оказался равен двум печатным листам. Сравниваются, мог ли С. К. Герасимов, представивший П. Лопатину все свои материалы — газетные вырезки, выписки и т. п., не заметить при подлинании книги в печати двух печатных листов «заместительных»? (Очевидно, это могло иметь место только в том случае, если тов. Герасимов вообще не читал своей книги) Если П. Лопатин — автор плагиата, то кто же,

Можно совсем просто, так, как это делает Борис Кулагин, определить причины возникшего и распространяющегося сейчас по стране движения. Это — широчайшее внедрение новой техники, совпадающее с неустанной борьбой за повышение производительности труда. Это — забота о своем цехе, о своем заводе, мысли о могуществе и процветании своей великой Родины, к которой устремлены надежды всех борю за мир.

Бывший солдат гвардей Борис Кулагин, закончивший войну под Прагой, хорошо знает, что мир можно отстоять только во всепарном сличении, в труде и борьбе за правое дело. И не случайно в эти июльские дни, когда весь завод встал на вахту мира, токарь Кулагин, одним из первых ставив свою подпись под Стокгольмским Воззванием, обязался давать до 500 процентов нормы. Это слово рабочего человека, как и обязательства миллионов, несущих свою трудовую вахту, — верный залог доблестной борьбы советских людей за мир во всем мире.

В конце концов, автор всей книги? С. К. Герасимов сетует на то, что он доверился рекомендациям издательства, опубликовав книгу П. Лопатину. Выходит, что С. К. Герасимов, погнавшись за литературной славою, охотно «кунул» чужую работу, но не подумал о том, что покупка оказалась неустойчивой, недоброкачественной.

Минувшее все, что «произвел» С. К. Герасимов и П. Лопатина никто не рецензировал, читал его лишь заведующий редакцией географической литературы А. Логинев. Непривычные тактики упрощения очевидна. Тем поразительнее равнодушие к этому случаю со стороны издательства, под вывеской которого имела место порочная практика делания книг за авторов, да при этом еще нечестного в отношении. Взамен, что издательство «Молодая гвардия» вновь, но этот раз на должном принципиальном уровне, рассмотрит данное дело, разберется до конца, кто же и в какой мере виновны в плагиате, и, главное, примет меры к устранению возможности повторения в дальнейшем подобных фактов.

МУЗЕЙ — ЭТО ЖИЗНЬ!

друга. Похожи они рисунками, диаграммами и макетами, а настоящие вещи чаще всего оказываются в фондах музеев; их не умеют выставлять; то, что выставлено, не всегда интересно.

В Ярославле музей сделан узко, неинтересно — он не ярославский, в нем нет отдела ярославской керамики, не собраны систематически фотографии ярославских зданий, не выделено народное искусство и нет людей Ярославля.

Музей не собрал новых фондов, не нашел ничего, чтобы отразить юбилей театра. Это не только невнимание к юбилею, но и признак неправильной работы ярославского музея и его руководителей в Комитете по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР.

Не пытайтесь искать следы юбилея театра и в ярославском областном художественном музее. Этот музей расположен на берегу Волги, в здании конца XVII века, окруженном молодой рощей. Здание в хорошем виде, и так как гражданских сооружений этой эпохи сохранилось очень немного, то само здание уже драгоценно. В музее представлены произведения русской живописи, скульптуры, графики, прикладного искусства, начиная с XIV века и до наших дней. Здесь хорошая икона ярославских мастеров, есть ценные картины Брюлова, Кипренского, Троицкого, Крамского, Левитана; много произведений советских художников — столичных и местных.

Никаких следов юбилея театра здесь нет. А между тем можно было бы найти в фондах портреты середины XVIII века, достать граверы, изображающие русский театр того или хотя бы более позднего времени, дать портреты сподвижников Федора Волкова.

В театре им. Волкова, в одном из верхних залов, находится театральный музей. В музее есть макеты театральных постановок, есть документы о праздновании 150-летия русского театра, есть проекты памятника Федору Волкову, но экспозиция не обновлена.

Имея превосходные материалы, театр мог бы провести исследовательскую работу и попытаться восстановить какую-нибудь из постановок волковского театра. Кроме

случайных книг XVIII века можно было бы — и это нетрудно — достать статьи Дмитриевского и Поникова о Федоре Волкове. В этих статьях есть описание реалистической игры первого русского актера.

В театральном музее можно было бы показать в гравюрах и рисунках театральные костюмы XVIII века, напомнить о многих попытках группы Поникова создать народный театр, вспомнить о предшественнике Фонвизина — драматурге Лукине и провести таким образом демократическую линию русского театра, с самых своих истоков стремившегося к реализму.

Нитя этого в музее нет.

Прошедший юбилей — это всенародный русский праздник; это не 200-летний юбилей Ярославского театра, — это 200-летний юбилей русского театра.

Печууда ярославских музеев, их нежелание принять участие в праздновании юбилея показывают, что музейная работа здесь не живет еще общей жизнью со страной. Экспозиция делается по старинке, а мы за последние десятилетия далеко ушли вперед: то, что давно понято в литературе, в театре, в живописи, новое ощущение истории, чувство новой гордости за свое прошлое — до музеев еще не дошло.

Музей выглядит старинными из старых, но ошибки переизданных учебников истории.

Надо не только показать о том, что юбилей не был отмечен музеями, но и помочь музеям: обновить экспозицию, обновить и оживить метод показа прошлого и настоящего.

Музейная работа выпала из общего плана. Страна движется, музей иногда стоит на месте. А между тем музей — это жизнь! Это — место живого прошлого и живого настоящего.

Настала пора для серьезного разговора о содержании экспозиций и структуре краеведческих музеев — правильной, отвечающей потребностям неумеренно выросших культурно-советских людей.

Моя статья не преследует на сколько-нибудь всерьезное решение этого вопроса. Им должны заняться специалисты, работники музеев, ученые. Но заняться незамедлительно.

ЯРОСЛАВЛЬ

Иоганн-Себастьян Бах

К 200-летию со дня смерти

У телефона-автомата на Киевском аэродроме очередь. За непотопленной закрытой дверью кабинета — вышедший из только что приземлившегося самолета пассажир, потный и красноречивый, с радужным от дождя скрабом портфелем подмышкой.

— Ура! Ура! — это восклицание кричит он в трубку. — Это ура! ура!.. Решительно вас беспокоит! Да, Решительно с шахты Первомайской... Нет, я не с шахты, а из Киева... Да, только что прилетел.

Не теряя времени, он записывается на прием к какому-то начальству, а у кабинета нетерпеливо жут своей очереди: председатель колхоза, прилетевший из Винницкой области, инженер из Харькова, старый закарипатский вояка — люди, которые торопились в столицу своей республики, чтобы разрешить дела, не допуская никаких задержек: получить наряды на новые машины, утвердить строительные планы, добиться денежных ассигнований, пойти за советом к известному ученому, изучить перспективы с партийным руководством. Все это нужно, чтобы двигаться дальше вперед, не замедляя внятого темпа, и поэтому уже с аэродрома только что прибывшие в Киев пассажиры начинают звонить по своим делам, стремясь не потерять лишнего часа.

Темп жизни республики можно ощутить даже при взгляде на необъятные просторы, разворачивающиеся под крылом самолета: бесчисленные машины на полях, дымы заводов, шахтные территории, светлые ленты новых дорог, гребни плотин, перепадающие течение рек.

Человека, попавшего впервые в украинскую столицу или давно не бывавшего в ней, Киев ошеломляет. Он кажется праздничным и, как все праздничное, — необычайно молодым. Яркие цветы на бесчисленных газонах, зеленые парки, нестерпимая ослепительная вода и южного неба, светлая обстановка множества новых зданий, строительные леса на Крещатике, звонкая переписка заводских, пародных и железнодорожных гудков, вчерашние детские классы у институтов и университетских подъездов, вспыхивающая песня, студенты, заканчивающие экзаменационную сессию и еще не разблудившиеся на летнюю практику; они торопятся к переправам на диспешные пляжи, и с Владимирской горы, с поросших вековыми деревьями склонов видна река — белые паруса яхт, вереницы плотов, тяжело груженные баржи и пароходы — из Днепротрестовска, Чернигова — в Запорожье, в Гомель, Херсон...

Чудесный, наполненный жизненной пульс ощущается здесь, в столице Советской Украины. И когда раскрываешь свежий номер журналов, издающихся в Киеве, когда берешь в руки повесть, только что изданные книги украинских писателей, хочется и в них ощутить биение этого пульса, увидеть запечатанным многообразие жизни, постигнуть духовное, безостановочное стремление вперед, к намеченной цели, которым равно отмечена сегодня и жизнь колхозного украинского села, и труд донецких шахтеров, запорожских сталеваров, бориславских нефтяников.

К сожалению, приходится сказать: это законное желание еще не может быть в полной мере удовлетворено. Украинская литература пока еще во всем идет в ногу с радостными и бурными процессами роста, которым характеризуется сегодня жизнь республики.

Например, в четвертом номере журнала «Вісник» нет ни одного произведения, в котором рассказывалось бы о сегодняшней Украине. Это относится и к прозе, и к поэзии. Несравненно ближе к нынешнему дню пятая книга журнала «Дніпро». В ней напечатаны стихи восьми поэтов (в большинстве своем — на темы сегодняшней жизни) и заключение повести Ивана Волоша («На стальных путях»). Отметим, что шестеро из этих восьми поэтов, выступивших в очередном номере «Дніпро», принадлежат к литературной молодежи. Впервые выступает в

литературе и автор повести — инженер-железнодорожник Иван Волош.

Обилие новых имен в литературе республики — явление радостное и обнадеживающее. Недостаточный охват украинской литературы, имеющей в своих рядах многих первоклассных мастеров, передовых явлений жизни — это факт, к которому должно быть привлечено самое пристальное внимание писательской общественности. Мастера должны писать по горячему следу жизни, и еще лежат на них одна святая обязанность: растить молодые кадры. Молодые писатели приносят с собою богатый жизненный опыт и рожденные им новые темы. Ведь литературная молодость далеко не всегда является синонимом молодости возрастной, и первой книге предшествует обычно немалый жизненный путь.

Так, например, И. Волош опубликовал свою первую книгу на сорок пятом году жизни; двадцать восемь лет работает он на железнодорожном транспорте. Первой книгой Василия Лозового (автора повести «В долине Стрыпы») предшествовали и долгие годы мятарства в панской Польше, и счастье активной деятельности на освобожденных землях Западной Украины, когда впервые сумел он применить на практике свои знания агронома, и опыт воина Советской Армии в годы Великой Отечественной войны. Первая книга стихов молодой поэтессы Л. Забиты («Новые берега») обогащена тем опытом, что накопила автор, работая в качестве инженер-кардобрестройки.

Горняки, агрономы, журналисты, артисты, металлурги, строители, — вот кого встречаем мы в числе авторов, вступающих сегодня в украинскую литературу. За последние три года в издательстве Союза советских писателей Украины вышло около восьмидесяти книг с десятками неизвестными именами авторов на обложках. Это немало. И особенно показательно обилие прозаиков в бурном приходе новых имен.

Правда, слишком немногие из этих новых имен рассказывают нам о сегодняшней индустриальной Украине.

Образ сегодняшнего украинского рабочего, его думы и стремления рисует Иван Волош в своей, упомянутой уже повести «На стальных путях», напечатанной в №№ 4 и 5 журнала «Дніпро» за 1950 год. Борьба за темпы работы, за дополнительные километры и сотни километров пробоя многотонных составов, труд новаторов и радость творческих побед — тема этого произведения.

Есть в повести такая сцена: машинист Василий Бучма и двое его товарищей ведут паровоз на одном из перегонств. Три человека на паровозе. И каждый из этих троих людей не только переживает, — он и р о д у м ы в а е т все подробности своего рейса. В поле зрения этих людей не только рычаг регулятора или открытое окно паровой топки: они оценивают работу джеспетера, регулирующего движение по линии, видят рабочих, ожидающих доставленный ими металл. Производственные заботы подняли экипаж паровоза на новую ступень: к заботам государственного и чужого. Они уже не удовлетворяются добросовестным выполнением своего долга, они сами требуют, чтобы с них спрашивалось больше, и ищут путей к тому, чтобы общими силами можно было удовлетворить этот повышенный спрос, сообща ускоряя решение общей государственной задачи.

Повесть Ивана Волоша помогает увидеть новое в нашей жизни. Она показывает побег творческой мысли рыночного рабочего, благородство чувств, владеющих им, и позволяет ощутить высокий накал борьбы, происходящий на каждом участке нашей повседневной жизни. В этом основное достоинство произведения. Автор не овладевает еще в полной мере литературным мастерством. Редакция журнала, печатая повесть «На стальных путях», не помогла начинающему писателю освободиться от блеклых образов, от чрезмерно растянутых фраз, от той вилости, которая нередко скрывается в композиции вещи. Но жизненная правда обрисованных ситуаций и человеческих характеров увлекает читателя

и позволяет надеяться, что за первым произведением И. Волоша последуют другие, и новое имя укрепится в украинской литературе.

Этот вопрос — вопрос о закреплении первых литературных успехов, о дальнейшем пути учебы и совершенствовании начинающего писателя — чрезвычайно серьезен.

Вторая книга молодого литератора требует к себе не меньшего внимания, нежели первый литературный дебют. Первые похвалы опасны. Слишком часто порождает они раннюю самоуспокоенность, притупляют требовательность.

Широкое читательское признание получила опубликованная в прошлом году повесть Степана Чернобривца «Освобождение» — первая часть задуманной автором трилогии «Освобожденная земля».

Недавно издана вторая часть этой трилогии — повесть «Воссоединение». К сожалению, многое в этой повести С. Чернобривца говорит о чрезмерной торжественности автора. Ближе, чем в первой части, ее язык; менее выразительны портреты героев. Даже те люди, которых мы успели полюбить по первой части трилогии, предстают здесь перед нами обобщенными, утрачивая ту выразительность и поэтичность, которая была присуща их образам в начале трилогии. Автор слишком часто подменяет художественное повествование, развивающее линию книги, декларацией.

Жождать ли от этой трилогии в творчестве С. Чернобривца?

Нет. Склонность к чрезмерной оптимистичности можно было заметить уже и в первой части трилогии. Но ни редактор, ни критика, ни старшие товарищи по литературе не предостерегли молодого писателя от оптимизма, которая таилась в увещанной им манере письма, и которая привела к тому, что вторая книга его оказалась менее зрелой, чем первая.

Лужно думать, что С. Чернобривец не соотнес свою работу законченной, не смотря на то, что повесть «Воссоединение» уже напечатана. Закончив работу над трилогией, он должен вернуться и к первым ее частям, добываясь большей определенности и углубляя образы героев.

Забота о «второй книге» молодого писателя — о прошлом вступлении его в литературу и нормальном творческом росте — начинается с редакторской работы над первой книгой. Эта работа должна быть для начинающего литератора школой бесстрашного творческого высказывания. Не всегда, однако, такая выскательность проявляется в должной мере.

Недавно в издательстве «Радийский письменник» вышел, например, сборник стихов одаренной молодой поэтессы Л. Забиты «Новые берега». В сборнике — 84 стихотворения, 211 страниц. Между тем более тщательный отбор стихов, включаемых в книгу, был бы лишь на пользу и автору и читателю. Редактор книги (Ю. Мельничук) должен был предостеречь Л. Забиту от чрезмерной риторики, сказавшейся на многих ее стихах, потребовать более тщательной работы над образом и рифмой, указать на присущее им стихотворением несоответствие между мыслью поэта и ритмом стихотворения.

Повышенная требовательность сказалась и на уровне первых книг таких бесспорно способных поэтов, как М. Гиршак («Моя Звенигородщина», редактор С. Крыжановский) и В. Лясюк («Степные песни», редактор П. Тычина).

Вернемся к темам произведений молодых писателей Украины. Пожалуй, наибольшее количество произведений вызвано к жизни теми же темами, которыми посвящены повести С. Чернобривца. Это естественно. Миллионы людей на западных землях Украины стремятся в наискорейший срок освободить богатейший опыт, накопленный строителями социализма на протяжении десятилетий, и донести своих соображений в общем движении к торжеству коммунизма. Это одна из самых величайших и благородных тем нашего времени, и она, несомненно, обогатит нашу литературу многими крупными произведениями.

Среди книг, посвященных этой теме, необходимо отметить небольшую повесть В. Лозового «В долине Стрыпы». Повесть написана от лица агронома Савчука. Рассказывается в ней о том, как создавался один из первых колхозов Тернопольской области в 1940—1941 гг. Умело отбрасывая детали, рисуя беглые, но выразительные портреты, автор укладывает в сотню страниц глубоко волнующее повествование.

В числе новых книг, написанных на ту же тему, особенно стоит вышедший несколько недель тому назад небольшой сборник стихов «Буквинские запевки». Автор книги — буквинская крестьянка, народная поэтесса Параска Амбросий. Она тянулась к знаниям, брат и подруги учили ее читать, приносили книги. Помогая матери, девушка ткала ковры, вышивала. Сборник стихов держали возле ее постели; песни скрашивали ее жизнь.

Рано Параска Амбросий начала и сама складывать песни, и из маленькой хаты в селе Забудровке они разлетались по всей Буковине, потому что в них говорилось о том, о чем мечтал каждый: о стремлении освобожденного народа к освобождению, о борьбе, о незыблемой вере в братскую помощь, что придет из-за советского рубежа.

Освобождение пришло, и впервые радость зазвучала в песнях Параски Амбросий, когда рассказывала она о первой советской весне на Буковине.

После немецкой оккупации Буковины в 1941 году борская сигуранца бросила большую поэтессу в тюрьму, подвергла ее пыткам, запретила писать.

Но пера в победу не угасала в сердце мужественной дочери украинского народа. В тюрьмах сложилась песня:

Я за рідну Батьківщину готова вмирати,
Дожи живу, буду її в піснях просявляти!

Сегодня новые, радостные песни Параски Амбросий вновь поет вся Советская Буковина.

Много новых книг — в прозе и в стихах — рассказывает о славных делах украинских колхозников, о стремительном странствии граней между городом и деревней.

Скажем сразу: сегодняшняя жизнь украинского села являет нам картину несравненно более величественную, нежели те лирихи, которые нашли уже отражение в литературе. Строительство агрогородов, непрерывно возрастающая механизация колхозного производства, рождение новых колхозных профессий, повышение культурного уровня сельской жизни, — все это еще в слишком малой мере показано в книгах. Но новые произведения, печатающиеся на Украине, поднимают все более и более глубокие пласты жизни. Среди этих новых книг привлекает к себе внимание книга очерков И. Волоши «Сады цветут».

Нужно отметить, что многие из молодых прозаиков Украины проходят путь литературной учебы, начиная не с крупных полетов, а с работы над рассказами. Сборники А. Хоруженко («Буквинские рассказы»), М. Чабановского («Свежий пласт»), М. Бажатки, Ю. Збанацкого, С. Завгороднего, М. Томчиана, И. Снегиря, напечатанные в журналах, свидетельствуют о плодотворности такого пути. Об этом важно напомнить, потому что рассказ за последние годы почти исчез со страниц толстых журналов, выходящих в Москве. Да и среди новых книг, выпущенных московскими издательствами, давно уже не встречались сборники рассказов.

Нужно также сказать, что обилие новых имен, появившихся за последние годы в украинской литературе, явилось следствием вдумчивой и заботливой работы, которую вело с начинающими писателями издательство Союза советских писателей Украины «Радийский письменник». Об этом с признательностью говорили многие участники совещания молодых авторов, созванного в Киеве в конце прошлого месяца.

Молодые писательские голоса звучат на Украине все громче и увереннее.

Последний, тридцатый номер журнала «Огонек» интересно задуман и осуществлен. Вышедший в дни, когда советский читатель с большим вниманием следил за работой III съезда Социалистической единственной партии Германии, журнал помогает составить живое представление о делах и людях Германской демократической республики.

Статьи президента Вильгельма Пика «За вечную дружбу между советским и немецкими народами», премьер-министра Отто Гротелера «Поворотный пункт в истории Европы» и заместителя премьер-министра Вальтера Ульбрихта «Народнохозяйственный план республики» характеризуют историческое значение образования Германской демократической республики, рассказывают об огромной помощи Советского Союза, оказанной немецкому народу, и об успехах и перспективах экономики демократической Германии.

Дыхание новой жизни немецкого народа ощущается в тех фактах, которым посвящены очерки и статьи Г. Меркулова, К. Григорьева, И. Ильичевой. Немецкие рабочие, осознавшие себя впервые в истории хозяевами предприятий и поэтому начавшие борьбу за улучшение качества продукции, безработный из Западной Германии, который в демократической Германии стал студентом рабоче-крестьянского факультета; грузинки Ростова, отдыхающие на народном курорте, — во всех этих больших и малых фактах звучит ритм решительной и уверенной поступи немецкого народа, идущего по пути коренных социальных преобразований.

Тот же ритм звучит и в отличном стихотворении талантливого немецкого поэта Кубы в переводе Л. Гинзбурга:

Хлеб и виноград,
Каждый колос в жите
Люди говорят:
— Стройте, сейте, жинте!

Мы не обречем
Сыновей на муки,

Последний, тридцатый номер журнала «Огонек» интересно задуман и осуществлен. Вышедший в дни, когда советский читатель с большим вниманием следил за работой III съезда Социалистической единственной партии Германии, журнал помогает составить живое представление о делах и людях Германской демократической республики.

Статьи президента Вильгельма Пика «За вечную дружбу между советским и немецкими народами», премьер-министра Отто Гротелера «Поворотный пункт в истории Европы» и заместителя премьер-министра Вальтера Ульбрихта «Народнохозяйственный план республики» характеризуют историческое значение образования Германской демократической республики, рассказывают об огромной помощи Советского Союза, оказанной немецкому народу, и об успехах и перспективах экономики демократической Германии.

Дыхание новой жизни немецкого народа ощущается в тех фактах, которым посвящены очерки и статьи Г. Меркулова, К. Григорьева, И. Ильичевой. Немецкие рабочие, осознавшие себя впервые в истории хозяевами предприятий и поэтому начавшие борьбу за улучшение качества продукции, безработный из Западной Германии, который в демократической Германии стал студентом рабоче-крестьянского факультета; грузинки Ростова, отдыхающие на народном курорте, — во всех этих больших и малых фактах звучит ритм решительной и уверенной поступи немецкого народа, идущего по пути коренных социальных преобразований.

Тот же ритм звучит и в отличном стихотворении талантливого немецкого поэта Кубы в переводе Л. Гинзбурга:

Хлеб и виноград,
Каждый колос в жите
Люди говорят:
— Стройте, сейте, жинте!

Мы не обречем
Сыновей на муки,

Последний, тридцатый номер журнала «Огонек» интересно задуман и осуществлен. Вышедший в дни, когда советский читатель с большим вниманием следил за работой III съезда Социалистической единственной партии Германии, журнал помогает составить живое представление о делах и людях Германской демократической республики.

Последний, тридцатый номер журнала «Огонек» интересно задуман и осуществлен. Вышедший в дни, когда советский читатель с большим вниманием следил за работой III съезда Социалистической единственной партии Германии, журнал помогает составить живое представление о делах и людях Германской демократической республики.

Статьи президента Вильгельма Пика «За вечную дружбу между советским и немецкими народами», премьер-министра Отто Гротелера «Поворотный пункт в истории Европы» и заместителя премьер-министра Вальтера Ульбрихта «Народнохозяйственный план республики» характеризуют историческое значение образования Германской демократической республики, рассказывают об огромной помощи Советского Союза, оказанной немецкому народу, и об успехах и перспективах экономики демократической Германии.

Дыхание новой жизни немецкого народа ощущается в тех фактах, которым посвящены очерки и статьи Г. Меркулова, К. Григорьева, И. Ильичевой. Немецкие рабочие, осознавшие себя впервые в истории хозяевами предприятий и поэтому начавшие борьбу за улучшение качества продукции, безработный из Западной Германии, который в демократической Германии стал студентом рабоче-крестьянского факультета; грузинки Ростова, отдыхающие на народном курорте, — во всех этих больших и малых фактах звучит ритм решительной и уверенной поступи немецкого народа, идущего по пути коренных социальных преобразований.

Тот же ритм звучит и в отличном стихотворении талантливого немецкого поэта Кубы в переводе Л. Гинзбурга:

Хлеб и виноград,
Каждый колос в жите
Люди говорят:
— Стройте, сейте, жинте!

Мы не обречем
Сыновей на муки,

Последний, тридцатый номер журнала «Огонек» интересно задуман и осуществлен. Вышедший в дни, когда советский читатель с большим вниманием следил за работой III съезда Социалистической единственной партии Германии, журнал помогает составить живое представление о делах и людях Германской демократической республики.

Статьи президента Вильгельма Пика «За вечную дружбу между советским и немецкими народами», премьер-министра Отто Гротелера «Поворотный пункт в истории Европы» и заместителя премьер-министра Вальтера Ульбрихта «Народнохозяйственный план республики» характеризуют историческое значение образования Германской демократической республики, рассказывают об огромной помощи Советского Союза, оказанной немецкому народу, и об успехах и перспективах экономики демократической Германии.

Дыхание новой жизни немецкого народа ощущается в тех фактах, которым посвящены очерки и статьи Г. Меркулова, К. Григорьева, И. Ильичевой. Немецкие рабочие, осознавшие себя впервые в истории хозяевами предприятий и поэтому начавшие борьбу за улучшение качества продукции, безработный из Западной Германии, который в демократической Германии стал студентом рабоче-крестьянского факультета; грузинки Ростова, отдыхающие на народном курорте, — во всех этих больших и малых фактах звучит ритм решительной и уверенной поступи немецкого народа, идущего по пути коренных социальных преобразований.

Тот же ритм звучит и в отличном стихотворении талантливого немецкого поэта Кубы в переводе Л. Гинзбурга:

Хлеб и виноград,
Каждый колос в жите
Люди говорят:
— Стройте, сейте, жинте!

Мы не обречем
Сыновей на муки,

Последний, тридцатый номер журнала «Огонек» интересно задуман и осуществлен. Вышедший в дни, когда советский читатель с большим вниманием следил за работой III съезда Социалистической единственной партии Германии, журнал помогает составить живое представление о делах и людях Германской демократической республики.

Статьи президента Вильгельма Пика «За вечную дружбу между советским и немецкими народами», премьер-министра Отто Гротелера «Поворотный пункт в истории Европы» и заместителя премьер-министра Вальтера Ульбрихта «Народнохозяйственный план республики» характеризуют историческое значение образования Германской демократической республики, рассказывают об огромной помощи Советского Союза, оказанной немецкому народу, и об успехах и перспективах экономики демократической Германии.

Дыхание новой жизни немецкого народа ощущается в тех фактах, которым посвящены очерки и статьи Г. Меркулова, К. Григорьева, И. Ильичевой. Немецкие рабочие, осознавшие себя впервые в истории хозяевами предприятий и поэтому начавшие борьбу за улучшение качества продукции, безработный из Западной Германии, который в демократической Германии стал студентом рабоче-крестьянского факультета; грузинки Ростова, отдыхающие на народном курорте, — во всех этих больших и малых фактах звучит ритм решительной и уверенной поступи немецкого народа, идущего по пути коренных социальных преобразований.

Тот же ритм звучит и в отличном стихотворении талантливого немецкого поэта Кубы в переводе Л. Гинзбурга:

Хлеб и виноград,
Каждый колос в жите
Люди говорят:
— Стройте, сейте, жинте!

Мы не обречем
Сыновей на муки,

А. МАКАРОВ

ТРУДНЫМ ПУТЕМ

В пьюнской книжке журнала «Знамя» опубликована новая поэма Степана Шипачева «Павлик Морозов». Одновременно поэма печаталась в газете «Писательская правда».

Восемнадцать лет отделяют нас от времени трагической гибели героя-пионера, жизнь которого, короткая, но полная бесстрашия и мужества, — замечательный пример для воспитания юного поколения в духе коммунизма, а потому благодарная и волнующая тема для советского художника. И однако за минувшие восемнадцать лет не было сколько-нибудь серьезных попыток поэтически воссоздать образ Павлика. Одно это говорит о значительных трудностях, возникающих перед художником, который поставил себе такую задачу. Художественное произведение о Павлике Морозове — будь то поэма или повесть — должно раскрыть во всей глубине характер «малышка», который понял, что человек, рыцарь по крови, вполне может быть врагом по духу, и что такого человека нельзя пасть» (А. М. Горький).

Перед С. Шипачевым, несомненно, возникли и другие затруднения, связанные со своеобразием его дарования, по преимуществу лирического.

То, что поэт не убоится этих трудностей ради достижения благородной цели, само по себе является большой заслугой. В желании донести до юного читателя светлый образ Павлика Морозова, зачесть молодое воображение стремлением к подвигу, в патристической направленности произведения — во всем этом сказалась душа советского поэта, поэта-борца, видящего цель своего творчества в том, чтобы быть воспитателем молодого поколения в духе коммунизма.

Поэму уже читают сотни тысяч детей. Написанная от сердца, честным и чистым

пером, она не оставляет равнодушным юного читателя, в ней есть превосходные поэтические куски. Так, например, эпиграф, который, мы уверены, будет читаться как отдельное стихотворение на школьных вечерах.

Осень леса пролунав,
Молотят в колхозном селе...
Убит пионер. Но бывает
Бессильна смерть на земле.
Об этом трубят в горы
Отряды по всей стране:
В Артеке, на склонах горных,
И там, в лесной стороне,
Где вопреки непогодам
Моторы поют над тайгой...
Пошли не на ветер голы:
Стала страна другой.
Земля — степная, лесная —
Вся у народа в руках,
И только по книжкам знают
Ребята о кулаках.

Образ сдвинутого на грузинские русоволодые парнички-колхозники, который открытой рукой доводит до конца коммунизм, нарисованный в эпиграфе, естественно и закономерно связывается с образом героя поэмы, с бессмертием подвига Павлика Морозова.

...Взгляните в кабину
На этого паренька,
Когда он брови подымет
Иди намуриет слегка.
Нет у него конца...
Нет зря — с катушкой в руке —
Павлик на Красной Пресне
Стоит — рука на дереве.
Для смелых сердец примером
Он в бронзе встал у дробка.
Ровесником пионером
Он будет на все века.

Можно указать и другие отрывки, столь же эмоциональные и действенные. Но чем

больше вчитываешься в поэму, тем ярвнее чувство неудовлетворенности. Раскрывается оно прежде всего тем, как выскрывает под характер героя.

Глава первая называется «Собрание в Герасимовке». Ребята у школы играют в снежки, и Павлик «заодно смеется». Приезжает представитель райкома — Зинин. На общем собрании он говорит речь о колхозах, о классовой борьбе в деревне.

Все жесткие слова прозвучали.
Мрачнели от них кулаки.
Жизельные вначале,
Несмело срывались хлопья,
Потом Зинину все дружнее
Хлопала беднота...
Многое в жизни яснее
Павлику стало тогда.

Так примитивно и наспех объясняет С. Шипачев истоки поведения своего героя. В начале второй главы мы видим Павлика, читающего том Горького. После лирического отступления, в котором поэт кратко и, к сожалению, довольно трафаретными словами рисует обстановку в стране, изображая абоз с хлебом, отобранным у кулаков. Попутно говорится, что Павлик раскрыл хитрость кулака Кукуканова, запрятавшего хлеб в ледяной горе.

Уже в этой главе обнаруживается существенный недостаток поэмы — автор все время словно избегает показа Павлика в моменты напряженной борьбы, в прямой встрече с врагом.

Примет этот повторяется и в третьей главе. О семейной драме Павлика, о его столкновениях с отцом, о том, что отец кричал на него: «Уйди, коммунист, зараза!» и что сын сообщал про отца, выдавая своего фальшивые справки кулакам, мы опять-таки узнаем не из показаний событий, а из рассказа автора. В этой главе появляется мать героя, принесшая ему заветный нашивок. Для изображения ее любви к Павлику поэт нашел хорошие и теплые образы, но весь разговор Павла с матерью сух и равнодушен:

— Так и у нас будет, мама;
Трактором будем пахать,

А кулаков проклятых
Вытрусим за порог!

Правда же, было бы естественно, если бы мальчик говорил о своей мечте более живо, если бы он, например, думал о том, что к ним в деревню придут тракторы, но я сам мечтал сесть за руль. Думается, что С. Шипачев напрасно забыл о тех особенностях детской психологии, когда будущее страны, близких рисуется воображением в неразрывной связи с их личной судьбой.

В главе «Суд» автор, наконец, решает ввести Павлика лицом к лицу с отцом. Однако изображение душевного состояния и Павлика и отца дано удручающе стандартно, художественно невыразительно. «Парничка русоволосы мнет картуз, жет повсюду», «у Павлика щеки выдают, стыдно ему за отца», «и от его взгляда отводит глаза отец».

В главе пятой «У костра» Павлик рассказывает пионерам, что он видел кулака, прячущего оружие в стугу. То, что С. Шипачев избегает изображения прямого действия, сцен высокого накала, обедняет образ героя, делает его вялым и бесцветным. Правда, глава кончается встречей Павла с одним из врагов, проносящимся угрозу по его адресу, но ни одним словом не обмолвился поэт о мыслях и чувствах Павла, вызванных этой угрозой.

Не дает внутреннего удовлетворения и глава «Коммунисты», в которой Павлик приходит к Зинину сообщить ему о своем отце. В главе подробно описывается изба, в которой остановился Зинин, приход Павлика, тихие хождения по стене и хорошие мысли Зинина о Павлике, но в ней нет главного: разговор Павлика с Зининым заменен скромным оттоком.

Нельзя не упомянуть вывод, что автор слишком бегом и скупо рассказывал нам о своем герое. В поэме ни слова не говорится о влиянии на Павлика шко-

лы, пионерской организации. Из истории Морозова мы знаем, что его борьба с кулаками не ограничивалась поисками сиротанного хлеба или случайным обнаружением оружия, но что ребята боролись с кулацкой агитацией, им приходилось, например, раскрывать и разоблачать авторов подметных писем, агитирующих против колхозов.

Автор искусственно сдвинул события, действие поэмы происходит в течение неполного года. На самом деле было иначе. «Борьба Павлика с кулаками была долгой и упорной. После того как был осужден отец, прошло еще два года» (до гибели мальчишка — А. М.), — писала мать Павлика, Татьяна Морозова. Конечно, за художником остается право, в целях более глубокого раскрытия образа, и сдвинуть и перемотать события. Но в данном случае это не привело к цели, наоборот, это лишило С. Шипачева возможности показать, как формировался героический характер Морозова.

Неоправданно изменил поэт действительные обстоятельства смерти Морозова. В поэме Павлика убивают Данилка Титов и «рыцарь какой-то старик». О Данилке в первой главе говорится одной строкой — «Данилка Титов подкулачник», о старике же вовсе ничего не говорится. Но ведь подкулачник Данилка — двоюродный брат Павлика, а «какой-то старик» — его родной дед. Видно, поэт побоялся раскрыть эту ужасную правду сердцу своего читателя. На наш взгляд, правда во всей ее наготе лучше, чем всякого рода умалчания, способна дать представление о стойкости характера героя-пионера, принятая детям революционную активную пенамист к прошлому, к проклятому собственническому миру, и глубже оценить величие сегодняшнего нашего бытия.

С. Шипачев, по существу, пошел по пути упрощения своего героя, упрощения жизненной правды, а потому ему и не удалось в полную силу показать величие подвига юного героя. Не удалось показать ему, как случилось, что в совет-

ские со дни смерти Баха. Свободный народ отдает должное своему великому гению. Представители советского музыкального искусства также принимают участие в этом большом событии на фронте культуры.

В нашей стране, бережно хранящей и развивающей высшие достижения прошлого века, изучение и пропаганда творчества Баха занимают видное место. В консерваториях, музыкальных училищах и школах люди с детских лет изучают и исполняют Баха. Нередки случаи, когда даже при окончании консерватории учащиеся исполняют называться «хорошо темперированный клавир», то-есть играют 48 прелюдий и фуг Баха. Публичное исполнение этого монументального цикла несколько раз осуществлялось в разных городах Советского Союза чудесным советским пианистом Святославом Рихтером и производило глубочайшее впечатление на аудиторию. Этот цикл исполнял также профессор С. Е. Файнберг. Очень много играл Баха профессор М. В. Юдина, пишущий эти строки и другие. Популярны Баховские органические концерты в исполнении профессоров А. Ф. Гедике и И. А. Браудо, а также некоторых молодых органистов. Всегда привлекает массу слушателей исполнение таких произведений, как «Страсти по Матвею» или «Маттеификат». Баха исполняют хордовые коллективы, вокалисты и инструменталисты. В связи с 200-летием со дня смерти Баха весь концертный сезон 1950/51 года его музыка будет звучать повсюду.

Иоганн-Себастьян Бах теперь, через 200 лет после смерти, сохранил славу одного из создателей высшего реалистического народного искусства, совершенного, прекрасного и жизнеутверждающего.

Иоганн-Себастьян Бах теперь, через 200 лет после смерти, сохранил славу одного из создателей высшего реалистического народного искусства, совершенного, прекрасного и жизнеутверждающего.

Иоганн-Себастьян Бах теперь, через 200 лет после смерти, сохранил славу одного из создателей высшего реалистического народного искусства, совершенного, прекрасного и жизнеутверждающего.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Мы обману берем
В собственные руки.

Не свернем назад —
Ясен ход событий.
Жизнь цветет, как сад...
Стройте, сейте, жинте!

Черты новой Германии запечатлены в ти многочисленных фотолитражах. На одной из них — шахтер Адольф Геннеке, знаменитель движения активистов производства в Герман

П. КРАЙНОВ Обзор военных действий в Корее

В результате стремительного броска частей Народной армии Кореи на правом фланге, где они достигли южного побережья, линия фронта с 26 июня приняла зигзагообразный вид. На западе эта линия начинается от Мокхю, затем идет к другому прибрежному городу Ханам, далее поворачивает на северо-восток около Сунчхона (который, по сообщению лейпцигского радио, также занят Народной армией), проходит через центральный участок боя в районе Кымчхона. Выход линии фронта к побережью Японского моря в секторе Пондок—Пхохан.

Из сектора Намвон—Бянгчжу—Мокхю—Ханам части Народной армии продолжают наступательные действия в направлении на восток вдоль южного побережья и на северо-восток вдоль отрогов Южно-Корейских гор. Токийский корреспондент агентства Ассошиэтед Пресс сообщает, что части Народной армии «продвинулись молниеносно в направлении южного побережья»; в результате этого наступления северокорейские силы находятся в 70 миль от главного порта снабжения — Пусана. На этом направлении Народная армия, как передает агентство Рейтер, 26 июля заняла важный железнодорожный узел — Хадон.

Корреспондент агентства Рейтер, находящийся при полевом штабе Макартура в Корее, отмечает, что фланговый обход частей Народной армии через юго-западную часть Кореи создал серьезную угрозу для основного района американских войск на центральном направлении, где упорные бои продолжают в районе Кымчхона.

На восточном побережье продолжают упорные бои в секторе Йондок—Пхохан. По сведениям радио Дели, части Народной армии стремятся прорваться здесь через созданный американцами предместный плацдарм.

Агентство Ассошиэтед Пресс подчеркивает, что американским войскам, «возможно, придется вновь отступить, отказавшись дальше к юго-восточному побережью полуострова». И, видимо, не случайно штаб Макартура прекратил публиковать подробные сообщения, ограничиваясь краткими сообщениями для печати.

Народная армия наносит интервентам тяжелый урон в людях и технике. Отступающие американские войска бросают на поле боя большое количество вооружения и военных материалов. Токийский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» вынужден признать с горечью, что в Корее американцы «обстреливают их же собственными орудиями, которые были захвачены северокорейцами несколько часов назад».

С. МАРШАК
ОПЯТЬ О КУРОЕДАХ
Иду с легким багажом Веселый и свободный, — Не отстал я в трамбозе Своей сумы походной.
Р. Берне (Из баллады о честном солдате)
Быть может, скажет Макартур, Взглянув на это фото, — Куда корейских жирных кур Несла его пехота.
Пускай ответит Трогве Лл: Быть может, знает он, Куда корейских кур несли Под знаменем ООН...
Американские солдаты занимаются грабежом в Южной Корее. (Фото из газеты «Либереасон»)

Расширять фронт мира!

ИТАЛИЯ
ПОДПИСИ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ

На днях в Риме состоялось собрание ученых, писателей, художников и артистов, посвященное защите культуры от атомной угрозы.

На собрании, созванном Итальянским комитетом сторонников мира, присутствовали режиссеры Лукино Висконти и Джузеппе Де Сантис, актер Массимо Джиротти, писательница Сибилла Аллерамо, экономист, профессор Джулио Питранера, художники Ренато Гуттузо, Марио Мафай, Аугусто Камерини, певица Леона Бортини и многие другие представители интеллигенции всех партий и направлений.

Профессор Амброджио Донини, открывший собрание, подчеркнул важность участия итальянской интеллигенции в общественном движении за объявление вне закона атомного оружия и за разоблачение преступного шага американских атомщиков.

Были оглашены письма поэта Тридусса, писателя Стефано Ланди, артистки Беллы Стараче-Саниати и других деятелей культуры и искусства, выразивших свою солидарность с прогрессивными деятелями итальянской интеллигенции.

Собрание приняло резолюцию, призывающую всех деятелей культуры «принять участие в великой благородной борьбе против атомного оружия, против войны, в защиту человеческой жизни и цивилизации».

ЛИВАН
СТОРОННИКИ МИРА СТАНОВЯТСЯ ВСЕ СИЛЬНЕЕ

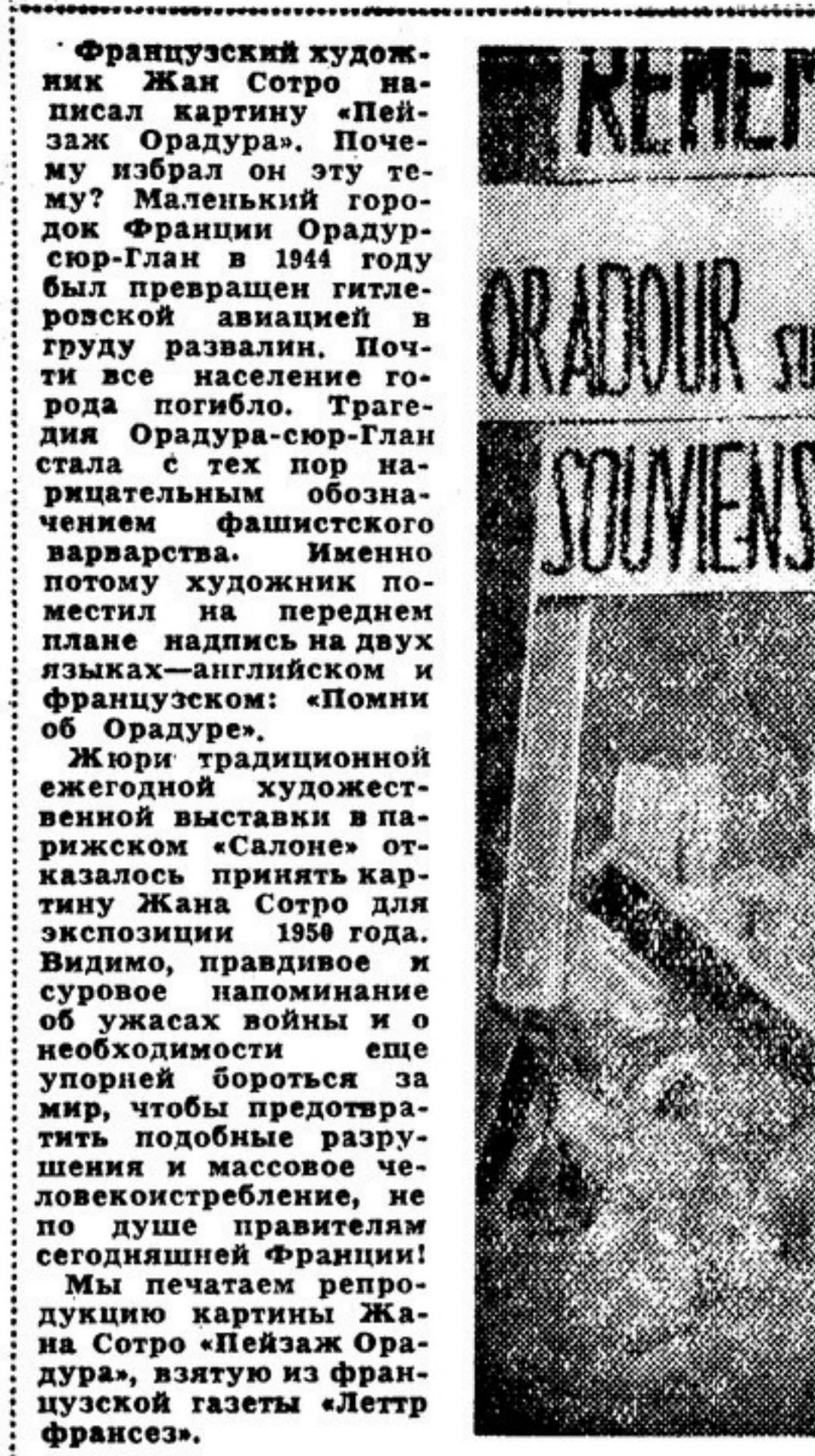
Ливанский журналист Насиб Метни пишет в газете «Телеграф»: «Несмотря на прямое вооруженное вмешательство Америки и Организации Объединенных Наций в дела Кореи, я остаюсь твердо убежденным, что поджигатели войны не посмеют развязать новую мировую войну... Сторонники мира во всем мире становятся все сильнее и сильнее, и это является огромным препятствием для поджигателей войны».

ШВЕЙЦАРИЯ
ПРОТИВ АМЕРИКАНСКОЙ АГРЕССИИ

Интервенция США на Дальнем Востоке вызвала в Швейцарии резкую волну протеста. Делегация швейцарских женщин вручила американскому вице-консулу в Женеве письмо, в котором потребовала от правительства США прекращения бомбардировок мирного населения Кореи и заверения, что атомная бомба не будет применена.

В Лозанне рабочие деревообрабатывающей промышленности единогласно поддержали предложение о запрещении атомного оружия.

В Цюрихе и небольшом городе Бюмпльди дети выпустили свыше четырехсот разноцветных воздушных шаров, в каждому из них был прикреплен листок с текстом Стокгольмского Воззвания.

«НИКОМУ НЕНУЖНЫЕ АМЕРИКАНЦЫ»

ЖЕРТВЫ ПОСТОЯННОГО БЕДСТВИЯ

Человек на бульдозере не смог бы сказать, отчего дрожали столпившиеся грязные дети «скавтергов» (мелких арестантов, обрабатывающих клочок земли. — Ред.) — от страха или от дрожания земли под его двадцатитонным чудовищем. У него были свои дети, о которых он должен был заботиться, и работа, которую он должен был выполнять. Утром, он пронырнулся в группу лагул, где жили эти дети; и его бульдозер вылезал в домики, вспарывая и опрокидывая эти постройки из жести, подобранной на свалках, неподных досок и картона.

Городок из лагул, пристанище для тридцати пяти семей сезонных сельскохозяйственных рабочих, испортил вид пригородов столицы Калифорнии — Сакраменто. Худые, немые дети из этого городка создали опасность распространения болезней в соседней школе. И вот в мае прошлого года департамент здравоохранения Сакраменто приказал снести лагулы.

Когда представителя Красного Креста попросили помочь, он, сожалея, ответил: «Мы имеем дело только с экстренными случаями. А эти пришедшие рабочие семьи являются жертвами постоянного бедствия».

В этом году проблема сезонных сельскохозяйственных рабочих, которые «постоянно бедствуют», еще более обострилась и привела к возможности взрыва.

Пояс голода, болезней и нищеты тянется на 200 миль вдоль долины Сан-Джованни, самой богатой долины Запада. Там люди дерутся за работу, но работы нет; женщины и дети просят хлеба; семьи из десяти человек и больше ютятся в лагулах площадью четыре на четыре метра и палатках, настолько грязных, что только в двух округах в течение одного месяца прошлой осенью умерло двадцать восемь младенцев, из них десять — от недоедания.

Без средств, полные отчаяния, сельскохозяйственные рабочие оказались перед лицом голода, в борьбе с которым местные власти либо отказались готовиться, либо подготовились так слабо, что одна влиятельная газета, «Фрешо Би», предостерегала: «Это может превратиться в национальный скандал».

НИЩЕТА ВДОЛЬ ШОССЕ

Автор настоящей статьи ехал вместе с фотопортретом по шоссе 99, «дороге переселенцев», основной дороге Калифорнии, идущей от мексиканской границы к Орегону, пересекая по пути хлопковый район долины Сан-Джованни.

Куда бы мы ни смотрели — вдоль самого шоссе, возле рвов и болот, в нескольких сотнях ярдов от дороги, в пропитанных грязью палатках и в растянувшихся лагулах, сделанных из фургонных, в пристройках и в случайных опрытках глиняных домиков, — всюду мы наблюдали ужасные картины невозможной нищеты.

Возьмем любое место наугад. В Коркоране, в богатом хлопковым округе Кинге, в крошечной лавке, мы разговорились с женщиной.

«Округ недостаточно велик, чтобы прокормить всех вас, пришельцев», сказала мне работница социального обеспечения, — произнесла эта женщина вслух. — «Пришельцы», — повторила она с негодованием. «Мы живем в этой долине уже восемь лет!»

«Она дала мне вот это». Женщина показала банку яичного порошка, большую часть неиспользованного, который, судя по наклейке, является «эраза-продуктом» («Фуд экстендер»).

«На наклейке написано, что его следует употреблять с тушеным мясом и котлетами», — подтвердила она. «Тушеное мясо и котлеты», — повторила она задумчиво. — Нам пришлось сварить только один этот порошок, но никто не стал его есть. Если бы мы только могли дать детям немного молока и бекона, может быть, Кэйти скорее поправилась бы», — сказала она, указывая на пятнадцатилетнего ребенка, чьи руки были усажены открытыми багровыми язвами «яичного» — каждой бо- лезни, возникающей на почве грязи и недоедания.

Близ дороги в Коркоране, в палатке на матраце лежала женщина, она была без сознания. Соседа, истощенная и бледная, прикладывала мокрую тряпку к ее вискам. Другая соседка растирала ее жилистые руки спиртом из почти пустой бутылки. «Почему никто не отправит эту женщину в больницу?» — спросила я.

«Для этого доктор должен сказать, что это — экстренный случай, но даже и тогда ее могут не принять», — объяснила один женщина.

Помещаемый нами в сокращенном виде очерк был напечатан в буржуазном американском журнале «Коллиерс». Автор его, Лестер Велл, опасаясь, видимо, того впечатления, какое могут произвести собранные им факты, пытается подчеркнуть, что сельскохозяйственный рабочий, якобы, «выпал (?) из богатого потока американской жизни», в результате чего ему и приходится пережить «нечеловеческие лишения». Это объяснение, как и усиленные заверения автора в том, что «удумливые калифорнийцы» уже предпринимают «первые необходимые шаги» для исправления сложившегося положения, звучат столь же нелепо, сколь и ложно. Армия безработных в США непрерывно растет и достигает сейчас, как известно, вместе с полубезработными — шестидесяти миллионов человек. Обнищание трудящихся резко усиливается. И среди простых людей, которых американский образ жизни сельскохозяйственных рабочих «пугает» «Калифорнийцы», именно об этом и рассказывает очерк «Никому ненужные американцы», как бы ни старался автор его скрывать впадение, которое производит собранные им факты.

Один раз в день. Затем он пошел в школу, где учились его дети, чтобы узнать, что можно сделать в отношении их питания. Наконец, он направился к окружному инспектору по социальному обеспечению. Хотя Черна действительно старый жгел, вот что он получил в качестве помощи: несколько банок «эраза-продукта для различных целей», то-есть яичного порошка, о котором уже упоминалось.

Из-за голода и недовольства среди сельскохозяйственных рабочих стало перерастать в гнев. Мы победели одного молодого сельскохозяйственного рабочего. Он мрачно осмотрел серую местность и, когда мы проехали мимо сарая, полного сена, вышали: «Тонны сена хранятся для скота. Из одного фунта мяса не хранится для нас, людей!»

Автомобилист, направляющийся на север от Лос-Анжелоса по шоссе 99, проезжает у Байкерфилда, мимо зеленого кладбища, за которым внимательно присматривают. Если автомобилист свернет с дороги и взглянет на территорию, расположенную позади кладбища, он увидит, как никогда в жизни. Позади кладбища он увидит потрескавшую картину трущоб на открытом воздухе, за которыми далеко не так хорошо присматривают, как за кладбищем. Это — часть целой линии городов-трущоб. Она тянется на север через Делано, Коркоран, Фрешо и Сакраменто, образуя в Калифорнии самую большую по протяженности непрерывную цепь трущоб в Америке.

«КУЧА СПИЧЕЧНЫХ КОРОБОК»

В трущобах Байкерфилда, занимающих 6 кв. миль, проживают десять-двенадцать тысяч неграмотных сельскохозяйственных рабочих. Местное пожарное отделение состоит из единственной машины, обслуживаемой двумя пожарными. Здесь не существует никаких сигнальных приспособлений, мало телефонов. «Вся эта часть является кучей спичечных коробок», — сказал один из пожарных.

Поль В. Маккри, негр, секретарь клуба местной христианской ассоциации молодых мужчин, сообщил нам: «Никакой канализации, никаких мостовых, ни одной спортивной площадки, никакой медицинской помощи».

В районе города Фрешо, именуемом Джерико, я видел женщину, которая пробралась по колону в грязь, осторожно отгибая на пути ряд яловонных уборов, по направлению к открытой водозаборной колоде, чтобы набрать ведро воды. В 100 ярдах от Джерико находится свалка города Фрешо, где валяется всякого рода утиль, из которого построено большинство лагул. Через дорогу от Джерико находится консервный завод. Летом, как выразился один из обитателей Джерико, «трущобы видны из-за тучи мух». Большинство сельскохозяйственных рабочих живет в этих трущобах.

Внутренняя канализация? Вы идете под дождем по грязи в уборную. Холодильник? Вы делаете пору в стенке рава, заворачиваете свою пищу в мокрый грубый мешочек и кладете его туда.

Волопровод? Когда урожай собран, пригнанные насосы могут быть выключены, и вы можете вовсе остаться без воды. Ванна? Шланг застывает ее.

Возникает вопрос: имеет ли вообще место в нашей жизни для всех этих перемещенных американцев?

С 25 июля 1950 года
«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»

выходит вместо двух раз три раза в неделю — по вторникам, четвергам и субботам.

Подписная плата устанавливается на 5 месяцев 25 руб.
4 месяца 20 руб. 80 коп.
1 месяц 5 руб. 20 коп.

В связи с этим по ранее оформленной подписке «Литературная газета» будет высылаться: подписавшимся до конца года — до 5 ноября и подписавшимся до 1 октября — до 6 сентября.

Полнительная подписная плата принимается местными отделениями «Союзпечати», отделениями и агентствами связи.

Подписка на «Литературную газету» принимается в городских и районных отделах «Союзпечати», в отделениях и агентствах связи.

«Почему вы не позвоните врачу?»
«Это стоит пять долларов», — объяснил мужчина. — А если взять все это лагерь за ноги и встать, вы не найдете пяти долларов».

В КОЛЫЦЕ ЛАГУЛ

Любой город в долине Сан-Джованни окружен постоянным поясом лагул, которые заполнены сельскохозяйственными рабочими круглый год. Тем не менее, в многочисленных беседах с калифорнийцами, богатыми и бедными, подобно припеву, повторяются следующие однообразные мысли: «Видеть сельскохозяйственного рабочего, когда он голодает? Пусть идет туда, откуда он пришел, там он и сможет получить помощь».

Извлек его из его свинарника? Он — самое разрушительное проклятие, которое когда-либо постигло Калифорнию. И так или иначе, он уходит после сбора урожая. Предоставить бычийный уход его жене и янгию для его детей? Нам сначала надо позаботиться о своих собственных детях».

Наши собственные! Автор этих строк замешался в толпе сезонных сельскохозяйственных рабочих, обранных к поселению в Фрешо, и установил, что три человека из четырех прожили в Калифорнии более трех лет. Как я впоследствии выяснил, большинство из них — американское происхождения. Многие участвовали в обеих мировых войнах. Многие могли похвастаться великими предами, принимавшими участие в гражданской войне.

Вскоре выяснилось, что здесь существует не одна разновидность сезонного сельскохозяйственного рабочего: их по крайней мере четыре. На самой низкой ступени лестницы стоит «бинда стифф», человек без семьи, все богатство которого состоит в узелке за плечами.

На следующей ступеньке находится колючий глава семьи, мигрант; он усаживает свою семью в автомашину, укладывает палатку и направляется в Калифорнию из Техаса, Миссури, Оклахомы.

На третьей ступеньке стоит семья, которая прибыла в Калифорнию год или два, а может быть, и больше, сняла колеса с фугона и установила его на подпорках или сняла хижину в лагере, за которую платит до 8 долларов в месяц. Эта семья обзаводится кредитом в соседней лавке, приобретает друзей, что поможет ей пережить во время зимней безработицы.

На четвертой, высшей ступени, находятся те, которые уже осели. Почти в каждом городе лагул в Калифорнии вы можете увидеть палатку, которую семья разбивала вначале, или фургон, поднятый на подпорки. Возле палатки или фугона находится однокомнатная хижина — первое постоянное пристанище, которое построила семья.

«Этот год труден», — говорили мне сельскохозяйственные рабочие.

А о приближающейся осени никто не осмелился и думать.

СТАРЫЙ ПОСЕЛЕНЕЦ ИЩЕТ ПОМОЩИ

В нескольких минутах езды от здания суда в Хэнфорде находится дом сельскохозяйственного рабочего Мануэля Черна, отца 9 детей (двое из них — ветераны войны), жителя Калифорнии в течение сорока лет.

Когда его заработок и часть заработка его детей, полученные за сбор хлопка, были израсходованы, Черна пытался перебраться: питаясь бобами и жареной мукой

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АПАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИН, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. НОВИКОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.

Сага о страданиях чилийского народа

В этот день было холодно в Лоза. В ледяном тихоокеанском воздухе, пронизанном угольной пылью, стоял сырой туман. Он висел сплошной полевой над людьми, дрожащими от озноба в своих лохмотьях. Их собралось около десяти тысяч: мужчины, женщины, дети...

И рассказывал-вам о них. Двенадцать часов в день работают горняки в Лота и получают за это пятьдесят центов — не в час, а за целый день. Сейчас они пришли сюда все, а из их жалких, полуразвалившихся хибарок, не защищенных ни от холода и дождя, ни от тумана и черной фабричной копоти, к ним снисходя приседали их жены. Но лица этих нищих людей на сей раз выглядели необычно. Они светились надеждой.

Перед ними выступил Габриэль Гонсалес Видела. Видела был кандидатом в президенты Чили, и он говорил о том, что сделает, когда станет президентом. Он обещал уничтожить феодализм, упразднить политическую полицию, говорить, что крестьяне получат землю, а рабочие — более высокую плату за свой труд и человеческие жилища для своих семей. Он, Видела, не даст простых людей в обиду угнетателей, будет их защитником и ангелом-хранителем, творцом новой жизни, которая начнется для всего народа.

И вдруг, в момент наибольшего напряжения, из толпы вышла маленькая сморщенная старушка, худая и оборванная, как все женщины этого шахтерского городка. Приблизившись к трибуне, она крикнула оратору:

— Вы так много обещаете дать нам, что я тоже готова отдать вам все, что у меня есть. Вот, берите!

С этими словами она достала из лохмотьев несколько центов, отдала их кандидату. Толпа зашумела. Кандидат казался расстроганным. Держа в поднятой руке монеты, Видела сказал:

— Друзья мои, кланюся вам вот этими жертвенными пенсами! Если я обману вас, вы можете расстрелять меня. Пусть я тогда умру смертью предателя!

Прошло несколько месяцев, и Габриэль Гонсалес Видела начал выполнять свои обещания. Он был теперь президентом Чили. В этом самом горняцком поселке Лота, где он недавно выступал, горняки забастовали. Заработку не повысили ни на один пенс. Все так же холодно было в хибарках и жить не стало ни легче, ни лучше. Поэтому и забастовали горняки.

нетателей. Много крови и страданий знала история нашего народа. Но чилийцы никогда не отказывались от светлых чаяний, от надежды на лучшее будущее, от борьбы. И народ наш был сплочен, в нем росла сознательность, чувство братского единства. Вот почему новые палачи чилийского народа не могли притти к власти, опираясь на окровавленные сабли. Им понадобилась для этого маска лжеца и дмагога Гонсалеса Видела.

Чилийский народ — храбрый народ. Он героически сопротивляется, разоблачает Гонсалеса Видела. И когда zuletzt, наконец, будет свергнут, в народе останется еще много ненависти к нему и его покровителям.

Ненависть пришла к Гонсалесу Видела, и она устремляется к Северной Америке. Но наш народ умеет отличать американские монополии от трущобных США, народ — от пущенных короедов. Мой народ прекрасно знает, что такой был Джефферсон и кто такой Трумэн. Он любит в Америке Уитменов, Робоснов и Фастов, но ему не нравится атеосны.

Народ Чили испытывает горячую привязанность к американскому народу. Он не думает, что народ США одобряет злодеяния Гонсалеса Видела, но знает, что все эти злодеяния внушены, продиктованы врагами и американского и чилийского народов — мистерами кенаянами и миллиардами из государственного департамента. Чилийцы знают этих господ хорошо, так же хорошо, как и демократические традиции американского народа.

Видела посял у нас ненависть к США, потому что он — итушка в руках крупных североамериканских металлургических компаний, королей меди, селитры и других монополий, сосущих кровь нашего народа.

Само имя Соединенных Штатов Видела сделал ненавистным в Чили! Населению Китая и Греции это чувство тоже знакомо. И от имени многострадального чилийского народа я говорю, что он сбросит своих угнетателей так же, как их сбросил китайский народ и сбросит в будущем грекский.

Недавно Видела приезжал в Вашингтон просить доллары на свои гнусные дела. Он — не тигр из наших тропических джунглей, он — скорее шакал. Сейчас время шакалов, но сейчас также время и победоносных народов. И пусть американский народ, пока Видела получает свою плату в Вашингтоне, помнит о горняках Лота, о женщинах и детях в далекой стране под названием Чили, где голод и холод, где нищета и где ненависть, много ненависти. Американцы, воздайте Видела то, чего он заслуживает: ненависть и презрение!

МЕКСИКА